

МАКСИМ ДУЛЕНЦОВ

ЗОЛОТО ТАЙГИ

An illustration of a man with dark hair and a serious expression, wearing a dark jacket over a plaid shirt. He is holding a rifle. The background is a forest with autumn foliage in shades of orange, red, and yellow. A large, faint circular emblem is visible behind him.

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Максим Кузьмич Дуленцов
Золото тайги
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28518688

Золото тайги: «Вече»; 2017

ISBN 978-5-4444-9273-4

Аннотация

Роман «Золото тайги» состоит из трех частей. Герои первой части «Золото», студенты физфака ЛГУ Генри и Женька, попадают на секретный военный объект, где натываются на следы клада и встречают таинственные силы, хранящие золото в тайге. Действие второй части романа «Варенька» протекает на фоне трагических событий в начале XX века. События третьей части «Озеро» разворачиваются в 90-е годы прошлого века. Молодые парни, потерянное поколение девяностых, отправляются в тайгу, в зону, где, по слухам, со времен СССР остался не разорвавшийся в ходе эксперимента ядерный заряд и в гиблом месте запрятаны сокровища. Все три увлекательные сюжетные линии сходятся в одном месте – в тайге на Чусовском озере близ деревни Семисосны...

Содержание

Золото тайги	5
Часть первая. Золото	5
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Максим Дуленцов

Золото тайги

* * *

© Дуленцов М.К., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Золото тайги

Материя – это единственная основа мира, мышление – всего лишь неотъемлемое свойство материи, движение и развитие мира есть результат преодоления его внутренних противоречий.

Любой учебник философии в СССР до 1991 года

Часть первая. Золото

Золото... У каждого, кто слышит это слово, в воображении возникает разное, но у всех оно, наверное, связано с ощущением богатства и власти, неограниченной свободы и парения над бранным миром, населенным плебеями, которые не обладают тяжелым металлом с номером семьдесят девять в таблице господина Менделеева. А большинство граждан родной планеты и вообще не подозревает о существовании этой таблицы. Так что же оно – добро или зло? Заставляет оно прожить достойно или убивает в человеке все человеческое? Цари земные правили людьми, опираясь на силу, которую покупали на золото. Церкви облачали в него свои артефакты и блеском его привлекали верующих. Бандиты с больших и малых дорог отбирали его у слабых, чтобы добыть себе место в обществе и откупиться от наказания за грехи.

И копилось оно на свете и не исчезало, утекало из рук старателей и скапливалось у власть имущих. Так золото и власть – синонимы? Ибо есть ли примеры тому, чтобы власть была без золота, а золото без царей?..

У Женьки золота никогда не было. Потому как рос он в деревне, где не было вблизи ни железных, ни шоссейных дорог, только два раза в неделю ходил от них по взрытому проселку автобус до Тихвина, а оттуда уж можно было доехать до Ленинграда на электричке. В школу ходил в соседнее село, пешком, километров пять, учился хорошо, учителя хвалили, в пример ставили. Мать на молочно-товарной ферме пропадала сутками, брательник сосал кулак на печке – мал был. Женька трудился после школы в огороде, всё было на нем: и картошка, и капуста, и свекла, и огурцы в теплицах самодельных, что батя ставил с весны, когда выходил из запоя. Матери некогда – она деньги зарабатывает. А батя – инвалид войны. Как проснется, выйдет на крыльцо избы да зарвет «Синенький скромный платочек...» или еще чего из военного своего репертуара, потом сядет на завалину, выпьет из горла чекушку и начинает материть всех, и власть тоже. А если чекушки не найдет – Женьку в школу не пускает, гонит в сельпо. Женька старался убежать, стыдно ему было за отца.

На фронте батя перебило ногу, и он хромал, подволакивая ее. На Девятое мая батя всегда надевал чистую рубашу под старый пиджак и шел в совхозный красный уголок, где сна-

чала пил водку, потом закусывал, и лишь затем начинал петь вместе с другими мужиками, гремевшими медалями и не слушавшими речь директора совхоза о международной обстановке и победе социализма. Батя своих наград не надевал никогда, хотя у него их было три: две медали и орден – на полосатой ленте потемневшая звезда со Спасской башней и облезлой красной надписью «Слава». На расспросы Женьки батя, когда не был вовсе пьян, отвечал: мол, начальники московские денег не стали давать за награды, кровью омытые, и сдать их хотел он обратно, но не дошел, потому что выпимши сильно был в тот день, а вот надевать больше не стал, раз денег не дают за них. После этого рассказа батя ронял крупные слезы, напивался, и уже к ночи мать затаскивала его бездыханное тело в избу.

Женька очень сильно хотел вырваться из этого скучного мира. Ему казалось, что там, в городах, бьет жизнь ключом, а он здесь обречен на вечное, бессмысленное и безнадежное прозябание. Поэтому и учился хорошо, а как закончил школу, в один из июньских дней полил огурцы, пошел к матери на ферму и сказал:

- Всё, мам, я уезжаю.
- Куда ж ты, Женечка? – мать вытерла руки о подол грязноватого халата, разогнула спину.
- В Ленинград поеду, в университет поступать.
- Да как же ты там один-то? Давай хоть телеграмму отобьем тетке, чтобы приютила.

Мать побежала на почту, дала телеграмму дальней родственнице, и поехал Женька в своей самой лучшей одежде, с батиным чемоданом, который тот привез еще с фронта, из Германии, поступать в ЛГУ.

Электричка простучала по городским кварталам, шипнула сжатым воздухом тормозов у перрона Московского вокзала, в самом центре Ленинграда, на площади Восстания. Народу, машин было так густо, что Женька сначала растерялся. Потом сориентировался на шпиль, вспомнил объяснения учителя географии Зинаиды Витальевны, у которой консультировался перед поездкой, и напрямик пошел туда. Там должно быть метро. Тетка жила на Коломягах, довольно далеко от центра, добираться было долго. В конце концов Женька доехал, дошел, доплелся по старому деревянному району до новых светлых пятиэтажных панелек, нелепо смотрящихся среди темных дореволюционных построек. Тетка встретила радушно, отвела ему целую комнату из двух, накормила, напоила, объяснила, как ехать в университет, и утопала на работу – была санитаркой в стационаре, часто дежурила в ночь.

В коридорах университета витал дух знаний высокого благородства. Женька прошелся по всему зданию, чуть не запутавшись в переходах.

Экзамены проходили быстро, он сдал все предметы на пятерки и был зачислен на первый курс физического факультета. В перерывах между экзаменами Женька гулял по Ле-

нинграду, вдыхая свежесть невских набережных, привыкая к веселой многолюдности улиц и проспектов. В магазинах продавали мороженое и апельсины, которых он в деревне не видел. Все мамины деньги, выданные на пропитание, на эти приятности и спустил. Хорошо хоть тетка настойчиво откармливала его утром и вечером, когда была дома, супом да еще пирогами по выходным.

Курс собрался в сентябре, собирался медленно, каждый день на первых лекциях Женька видел новые лица. Потихоньку познакомились, притерлись. Девочек на физфаке практически не было, а тех, которые были, девочками было назвать сложно. Да и побаивался Женька женского пола, стеснялся: считал себя некрасивым, к тому же лучшая его деревенская одежда здесь казалась просто нелепой.

Всё изменилось перед первой сессией. Тогда, уже зимой, на первую пару ворвался румяный богатырь, которого Женька никогда за весь семестр не видел, в модном пальто, небрежно распахнутом так, что было видно на алом подкладе двух львов явно несоветского происхождения, обзрел аудиторию и громко объявил:

– Эй, физики-шибзики! А ну в «Баррикаду», на «Операцию „Ы“», осталось двадцать минут, бегом! Плачу за всех!

Первокурсное физическое сообщество взволновалось. Хоть кто-то и смотрел новый фильм еще осенью, хоть утренний сеанс в «Баррикаде» стоил десять копеек, но желание смотреться с пары оказалось превыше, и курс с ревом рванул

из аудитории за неизвестным богатырем, как стая собак за вожаком. Остались заумные товарищи и девочки физфака, в которых девочек никто бы не определил.

Так курс познакомился с веселым парнем по прозвищу Генри. «Генри» было образовано от имени Гена и желания Гены подражать героям О'Генри, которые были веселыми и не уважали капиталистическое общество, хотя как раз самто Генри его уважал. По слухам, его отец или дядя работали в Москве в самом ЦК партии, и Генри имел все, что было недоступно другим советским людям или скрыто от них, но благодаря своему характеру нес это скрытое искусство в массы. Результатом воздействия великого Генри на неокрепшие умы начинающих физиков была провальная сессия. А как учиться, если Генри сообщает куратору, что комсомольская организация курса решила в преддверии двадцать третьего съезда КПСС провести политинформацию об осуждении западной военщины и ее музыки, которая приводит к агрессивности, а на самом деле из принесенного Генри магнитофона в аудитории звучат песни «Битлз», которые только из его магнитофона и можно было услышать? Как готовиться к экзаменам, если всю ночь тряслись под короля рок-н-ролла Элвиса? Вот и перебивались с тройки на четверку, пока не дошло, что вуз их и факультет – в списке не подлежащих призыву, так что при отчислении – в армию.

Потому во втором семестре положение начало исправляться. А Генри как-то сошелся с Женькой, и Женька с ним,

хотя они были практически две противоположности. Генри брал от жизни все, что она могла дать, выжимал пространство, невзирая на время, а Женька осторожно, но верно шел путем освоения знаний и старался с этого пути не сбиться. Подружились после зимней сессии, где Женька на всех экзаменах писал для Генри шпаргалки, а тот в это время прикрывал Женьку от преподавателей своей широкой спиной. После экзамена Генри тащил Женьку в кино или в кафе-мороженое на Невский. С ним было легко и весело. Изредка Генри давал свой магнитофон с парой катушек послушать дома – так сказать, познакомиться с новинками зарубежной музыки. За год Женька начал разбираться в тенденциях рок-н-ролла, прослушал всех битлов, Пресли, Чака Берри и конечно же самых своих любимых «Роллинг стоунз». Теперь на вечеринках, организуемых на факультете, он мог запросто узнать любую песню по первым аккордам.

В четвертом семестре «гнилое нутро» комсомольской организации второго курса физфака раскусили закоперщиков, в том числе Женьку и Генри, вызвали на партсобрание факультета, пропесочили, пригрозили отчислением, и лавочка закрылась. Но и тут Генри не стал унывать. Оказалось, что у него прекрасная квартира на Петроградской, где редко бывает его мать, потому что постоянно ездит в Москву к отцу, а бабушка глухая и из своей комнатенки не выходит. А раз так, то ничто не мешает веселиться и танцевать всю ночь напролет, потому что и Кировский, и Тучков, и Бирже-

вой мосты разводились, и лишь зимой можно было добраться в ночь от веселой квартиры Генри до дому, да только все равно никому не хотелось. «Хванчкара» и «Киндзмараули» манили своими таинственными названиями, олицетворяющими далекие холмы Грузии, где девы поют печальные песни. И хоть Женька ни разу в Грузии не был, но после бокала красного вина хотелось распахнуть крылья, казалось, вырастающие за спиной, и от плавного «Сулико» ринуться в бешеную лезгинку.

Девчонки от Генри были без ума. Весь филфак, половина химфака и особо статные девушки мехмата жаждали проникнуть к нему на вечерние посиделки, переходящие в ночную танцевальную площадку.

Спали потом вповалку, секса не было – ну какой секс: так все натанцуются, что только прилечь где-нибудь и хотелось, да большинство и не знало еще о том, что это такое, а про то, что было у Генри с различными феминами, иногда ходившими вместе с ними в кино и кафе-мороженое, Женька особо не расспрашивал. У него же девушки по-прежнему не было: не замечали они Женьку в тени его ослепительного друга. Генри как-то раз, будучи в благодушном настроении, решил поговорить с Женькой об этом.

– Жень, ну ты что один да один? Смотри, на прошлой неделе какая девчонка была с химфака, помнишь? Ленка. Смотрела на тебя во все глаза, а ты и не реагировал. Давай, брат, пора уж тебе.

Женька Ленку помнил. У нее ужасно пахло изо рта, даже танцевать не хотелось. Он помотал головой.

– Ну, брат, и разборчив же ты. Ладно, давай в субботу пойдем в кино, премьера комедии «Кавказская пленница», мне мать из Москвы с премьеры звонила, говорит, не фильм, а просто смех! Я четыре билета достал, у моей Лерки есть подружка, только не из нашей альма-матер. Надеюсь, ты не против девушек, не обучающихся в ЛГУ? Ну вот, Лерка говорит, красивая, одна, парня нет. Познакомитесь невзначай – вдруг понравится? Идет?

– Идет, – нерешительно ответил Женька.

Встретились на проспекте Горького, у зоопарка. Была весна, снег уже грязнел по обочинам, Нева в основном вскрылась и текла мутным потоком в сторону Кронштадта. Подружку Леры звали Катя. Катя была стройной девушкой с каштановыми волосами, подстриженными под каре, большими карими глазами и красивыми губами. Женьке она сразу понравилась, но показать свою симпатию он опасался.

Генри, как всегда, был жизнерадостен и общителен:

– Привет, девочки! Давно не виделись! Побегали, а то опоздаем!

И они припустили по улице, пытаясь быстро выбраться на Большой, в кинотеатр «Молния».

Фильм и правда был веселый. Женька смеялся, как никогда, Катя тоже захлебывалась от приступов хохота. Расходились уже в темноте, Генри в свою сторону, то ли прямо

к себе, то ли просто проводить Леру до метро, а Женька пошел с Катей, провожать ее до дому. Катя жила на Старо-Невском, в нескольких кварталах от площади Восстания, куда они добрались на метро. Народу в вечерний час было немного, и они медленно шли от площади. Женька подпινывал куски льда, Катя старалась не поскользнуться на укатанных ребятней ледовых прогалинах, а он коварно ждал, чтобы поскользнулась: будет законный повод покрепче взять ее за руку.

– Вот и мой дом, – неожиданно сказала девушка, кивнув на старое здание с двором-колодцем внутри, куда вела с проспекта арка.

– Ты с родителями живешь?

– Да, с мамой и папой. Они коренные ленинградцы. Бабушка в блокаду умерла. Вот прямо тут, в нашей квартире. А ты? Ты из Ленинграда?

Женька смущенно помотал головой. Как сказать ей, прекрасной девушке, что он деревенский олух? Но Катя не стала задавать вопросы, удовлетворившись жестом.

– Спасибо, что проводил, – улыбнулась она. Пользуясь тенью от арки дома, легонько прикоснулась губами к его щеке и быстро скрылась в колодце двора. Женька, ошеломленный, не кинулся за ней, а остался стоять на границе света от фонарей проспекта и темноты старинной арки. В душе были смутение и счастье. Он вспомнил, что забыл спросить Катю, когда она будет свободна, чтобы еще раз увидеться, и номер

ее телефона не спросил...

Телефон Женька узнал позже, как и то, что Катя учится в пединституте, на филфаке, на первом курсе. Выходит, она младше Женьки на год, и это придало ему уверенности: любовного опыта не было, но старшинство позволяло делать вид, что он есть.

Он забросил лекции и таскался к ней в «пед» на Мойку, подкарауливая за углом после лекций, скупал на всю повышенную стипендию гвоздики у грузин на рынке. Грузины ломили цены, стипендии не хватало, и иногда приходилось подзанимать у Генри, который благосклонно выдавал трешку, одобрительно поглядывая на влюбленного Женьку и противно подмигивая.

Родители Кати были преподавателями института, филологами во втором поколении. Один раз она пригласила Женьку вместе с Генри и Лерой в гости к себе домой. Квартирка была небольшая, выгороженная из коммуналки, – две комнаты, в одной из которых обитали разделенные шкафом родители и Катя, а в другой стоял диван и высоченные, под старинные потолки, полки с книгами. Многие книги были дореволюционными, с «ятями», в основном русская классика, и некоторые авторы были совершенно незнакомы Женьке. Читать он любил, но потребность в художественной литературе у него ограничивалась Жюлем Верном и Луи Буссенаром, Дюма и Александром Беляевым – это из интересного, а дома, в школьной библиотеке, он не брезговал ничем,

в деревне на «ура» шли и Николай Островский, и Константин Седых, и какой-нибудь Владимир Зазубрин. Катя увидела Женькин интерес к книгам, подошла к полке, вытянула одну, показала:

– Вот, очень хорошая книжка. Достоевский, «Белые ночи». Моя любимая. Хочешь почитать?

Женька к Достоевскому относился скептически, так называемый детектив «Преступление и наказание» был осилен им не полностью, он обошелся прочтением учебника литературы и критики Белинского. Но как отказаться? Женька осторожно взял книгу. Генри оторвался от веселой перебранки с Лерой, вырвал томик, покрутил, отдал обратно.

– Ну что это за сопли? Вот я такие книжки читал – закачаешься! Запрещенные. Хотите дам?

Лера радостно захлопала в ладоши.

– Только ни-ни! Это запрещено! Завтра принесу, кому первому? Ай, ладно, завтра первого Жентоса увижу на лекциях, ему и дам. А он Кате отдаст, а потом Лере.

Лера обиженно фыркнула, но обаятельный Генри тут же предложил идти гулять, есть мороженое и пить коктейль «Луна», Леркин любимый, и обида забылась.

На следующий день Генри притащил толстую пачку листов папиросной бумаги с чуть вмятой машинописью, заговорщически сунул их Женьке, прошептав:

– Убери и никому не показывай! «Мастер и Маргарита»! Веселенькая вещь, не знаю, чего ее запрещают.

По таинственному тону Генри и запрещенности труда Женька сначала вывел, что книжка порнографическая, но уже с первых строк увлекся и читал до глубокой ночи. Проглотил быстро, мог бы еще быстрее, да неудобно было переворачивать тонкие, липнувшие к пальцам, несшитые страницы. Генри спросил:

– Ну, как книжонка? Веселая?

Женька кивнул, но высказать свое мнение не решился, хотя предполагал, что запретили книжку правильно: а как иначе реагировать руководству, если, по роману Булгакова, дьявол властвует над Страной Советов? Однако книга зацепила, захотелось даже прочесть Библию, однако кроме «Забавной Библии» Лео Таксила в библиотеке ЛГУ ему ничего не предложили.

В следующий раз Генри подсунил ему вполне уже эротику. «Лолита» смутила Женьку, кто такой Набоков, он не знал, перепечатку прочитал от корки до корки, краснея в подушку. Кате решил такое не отдавать. Хотя и она подкармливала податливый и жаждущий новых знаний Женькин ум порциями хорошей литературы. «Белые ночи» он проглотил за ночь, Ахматова, Есенин тоже пришлись ко двору, а запрещенный Гумилев, существовавший у родителей Кати еще в старинном издании, вообще поразил Женьку загадочностью и плавностью прекрасных строк. Ну как же не очароваться таким:

Когда, изнемогши от муки,
Я больше ее не люблю,
Какие-то бледные руки
Ложатся на душу мою.
И чьи-то печальные очи
Зовут меня тихо назад,
Во мраке остывшей ночи
Нездешней любовью горят.
И снова, рыдая от муки,
Проклявши свое бытие,
Целую я бледные руки
И тихие очи ее.

В Женькиной душе прямо всё вздымалось и требовало выплеска – любовь, обожание, желание сделать для Кати что-то невозможное. Правда, потом он узнал, что замечательный поэт Гумилев расстрелян в Гражданскую, и стихи его запрещены, потому как он был белый офицер, притеснявший рабочий класс.

Ближе к июню, когда подготовка к сессии занимала уже все свободное время, писались шпаргалки, штудировались горы учебников, выискивались и выкупались на пару дней за бутылку «Агдама» или «Изабеллы» тетрадки с полностью записанными лекциями, Женька пошел в штаб стройотряда, чтобы заранее «забить» место в денежном направлении: в прошлом году он работал в Гурьеве в Казахстане и заработал за лето неплохие деньги. Туда и хотел вновь. По доро-

ге в одном из переходов университета натолкнулся на Генри с парой повисших на нем девчонок, которых прежде не видел.

– Жентос! Ты к методам матфизики готов? Я вообще ничего не понимаю в этой белиберде!

– Готов, шпоры написал. Муть, конечно, но если разобратся...

– Когда разбираться – послезавтра экзамен! Короче, шпоры дай почитать, потом объяснишь, что за буквы, а на экзамене как всегда: я прикрываю – ты выдаешь, о'кей?

Женька кивнул.

– Это Вика, это Маша. Мы с Леркой-то разошлись. Поссорились. Ты как с Катей, чики-пики? А то Маша одинока...

Высокая русоволосая Маша улыбнулась. Женька скрипел: ну неужели Генри не понял, что Катю он любит, а не просто так! Помотал головой.

– Тут еще одно дело, старик, – продолжал Генри. – Ты что летом делаешь?

– В стройотряд.

– Что, на все лето? Есть идея получше, слушай. На море надоело, скучно. Предлагаю отправиться в поход, на поиски романтики и сокровищ! Ты как?

Девчонки от радости завизжали, начали наперебой спрашивать про романтику и сокровища. Женька подумал, что на море ему не было бы скучно, тем более что моря он не видал ни разу, но кивнул головой, вопросительно глядя на

Генри.

– Старик, мне пока некогда. Видишь, девчонки ждут. Короче, вот тебе одна книжка, прочитай, вечером приду шпоры забирать – расскажу подробнее. Чао!

Книжка оказалась сравнительно новой, какого-то ленинградского автора, его имя ничего Женьке не говорило. Да и содержание оказалось обычным, такие книжки он читал в своей деревне: про революцию, про белых и красных, да еще действие проходило где-то на Урале. В общем, ничего интересного для себя Женька из тонкой книжки не почерпнул, хотя название было заманчивое – «Золотой поезд». Ну, такое уже бывало, в детстве попалась книжка, бабушкина еще, «Князь Серебряный» – так интересно казалось, про князя, да еще и серебряного какого-то, а почитал – скукота. Так и бросил. Вот и эта такая же. Зачем Генри ее дал? Лучше бы методы матфизики еще раз перелистал перед экзаменом.

Генри неожиданно пришел к Женьке прямо на Коломяги, как и обещал. Неожиданно, потому что обещал-то он всегда, но выполнял обещания редко.

– Старик, привет! Так, тетка дома? Нет? Отлично! Давай шпоры, я завтра читаю, а то сегодня все забуду, да и поздно уже. Выпить есть чего?

Женька вытащил из шкафа бутылку мадеры. Он купил ее только из-за названия: оно напоминало пиратские романы и пахло пиастрами и порохом, так ему казалось. Бутылка была с пластиковой, трудно открывающейся крышкой про-

изводства Ленинградского ликеро-водочного завода, Женька скovyрнул пробку ножом и разлил в стаканы.

– Бормотуха, – буркнул Генри и выпил. Женька тоже. Генри кивнул на лежащую на столе книжку:

– Прочел?

– Да.

– Ну и как?

– Я честно не понял, что в ней такого. Про Гражданскую войну. Ты увлекся историей?

Генри рассмеялся, плеснул себе еще мадеры.

– Жентос, ты не умеешь читать между строк, несмотря на то, что безумно умен. Ты название хоть прочитал? ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД! Чуешь, чем пахнет?

– Ты серьезно? Но это же вымысел, художественная литература. Ты физик, должен понимать, что такое факты, – фыркнул Женька.

– Да вот я-то как раз и знаю. Короче, книжка эта написана в двадцать шестом году – стало быть, сразу почти после событий, автор приврать от забывчивости не мог. Далее, в книжке, если ты ее внимательно прочитал, подробно написано, где, кто и как золото спрятал, а вот про то, что его нашли, всего пара фраз. И еще. Автор книги уже умер, и книгу издал его племянник, ответственный работник по газетной части, – так его уже завалили телеграммами и письмами, предлагая поехать на поиски золота, думая, что ему дядя передал тайну, где золото это спрятано. А мой отец сказал, что

такое было тогда, это правда, а про возврат золота в Москву в архивах ничего нет, а мой отец, как ты знаешь, имеет доступ к таким документам и врать не будет. Так что лежит золотишко, увезенное от белых и недоставленное в Москву, где-то в русских лесах... Понял, старик, чем пахнет?

– А ты сам-то книгу читал? – прищурившись, спросил Женька.

– Нет. Я тебе дал, чтобы ты прочитал, а про это мне папа рассказал. Думал, что ты еще что-нибудь почерпнешь, ты же у нас умище!

Женька улыбнулся.

– Ты хоть знаешь, где события происходили? Нет? Так вот, золото везли из Свердловска в Москву, а спрятали вообще где-то в каком-то городе Кизеле, я даже не знаю, где такой есть. В шахте. И что, ты предлагаешь искать иголку в стоге сена? Где город Кизел находится, ты хоть представляешь? Это почти Сибирь! – Женька угрожающе поднял указательный палец, как любил делать их преподаватель ядерной физики. Мадера начала догонять. Налили еще по одной. Генри тряс книжкой и уверенно говорил:

– Ты не понимаешь! Всё организуем! Ты только представь: мы – я с Жанкой, ты с Катькой – едем в Сибирь! Там, как у Джека Лондона, на собаках через тайгу добираемся до Кизела этого, находим заброшенную шахту и достаем золото! Это же приключения, старик! Не распускай нюни!

Женька захмелел, ему явственно привиделась заснежен-

ная пещера, полная золота и камней, которая сверкала изнутри и переливалась невероятными красками. Икнул.

– А кто такая Жанка? – с трудом разлепляя губы, спросил он. Генри только махнул рукой. Допил мадеру, сгреб рассыпанные по столу шпоры и нетвердо направился к выходу. На пороге обернулся:

– Короче, до послезавтра. Ты со мной? Ты уважаешь меня, старик?

Женька кивнул. Мадера начала подбираться к горлу, стремясь вырваться наружу. Женька рванул в туалет.

Свидание с Катей было намечено на первый вечер после сессии у кинотеатра «Баррикада». Именно в этот вечер Женька намеревался произнести те самые три слова, которые боялся сказать всю весну: «Я тебя люблю». Он разрабатывал различные схемы действия: как подойдет, как возьмет за руку, как скажет – тихо или нет, громко, на всю улицу... Нет, все же лучше тихо...

Светлым вечером он подошел к «Баррикаде» со стороны Дворцовой, заглянув по пути на почту, чтобы отправить маме телеграмму, что не приедет до сентября: стройотряд. Катя уже стояла у входа. Женька подошел, вздохнул, а Катя взяла его за руку и потащила в кино. Шли «Шербурские зонтики». Весь сеанс Женька смотрел на красивое лицо Кати, а она переживала под дивную музыку Леграна, глядя только на экран. Потом они долго-долго шли по Невскому до ее арки пешком, и Женька никак не мог произнести заветные

слова, а Катя просто молчала. Уже возле арки Женька, который вовсю корил себя за нерешительность, мир – за жестокость, людей – за бессердечность и отчасти Катю за то, что «неужели она не видит, как я страдаю», открыл рот и сказал:

– Кать, а мы с Генри собрались в поход на Урал. В палатках жить, костер и все такое. Ну, может, чего найдем интересного, я бы тебе рассказал... Поедешь с нами? Со мной... А?

Катя грустно улыбнулась, покачала головой:

– Нет, Женя. Не могу. Мне надо в Москву. Кстати, проводи меня, поезд послезавтра вечером, в полночь. Ну, до свидания, Женя.

Катя помахала рукой и ушла в свою арку, а Женька остался недоуменно и обиженно стоять на темном асфальте.

У тетки в комодке лежал бронзовый крест-распятие, откуда, для чего – Женька не знал и не спрашивал, но в тот вечер, вернувшись домой, он зачем-то вытащил этот крест, прислонил его к стенке на столе, встал на колени возле, неумело перекрестился, так как никогда этого не делал, и зашептал слова, как казалось ему, молитвы, ибо не к кому ему больше было обращаться, кроме небесной силы, в существовании которой он глубоко сомневался:

– Господи, помоги мне. Нет больше сил, ведь я люблю ее, так сильно люблю, как никого, себя не люблю так. Господи, помоги мне, пусть и она полюбит меня, ведь если ты есть на свете, то могущественнее тебя никого нет, и ты все можешь.

Я не грешил, и ты должен помочь мне, Господи...

Так бормотал Женька, не зная, как еще упрямить того, кто, возможно, сидит где-то там, наверху, все видит и все может. Но тот молчал, знака не подавал, и Женька, бормоча несвязные слова, уснул под распятием, не расправляя кровати. Утром его осенило: как он может просить что-то у Господа, если не записан в книгу жизни, как говаривала в его детстве бабушка, пугая Женьку этими словами. Некрещеный же он! Вот оно что! А если покреститься, то всё сразу решится само собой, Бог услышит его, увидит его страдания и сделает так, чтобы Катя прибежала к нему, бросилась в объятия и сказала, оторвавшись от сладкого поцелуя: «Женя, ты самый лучший, я люблю тебя». Женька решил креститься немедленно.

На Коломягах в пешеходной доступности стояла маленькая деревянная церквушка, которая то ли по недосмотру властей, то ли потому, что стояла на отшибе, была всегда открыта, возле ее ограды постоянно толпились немощные бабки. Туда-то и направился Женька. Утро было солнечное, тихое, купола церкви поблескивали среди редких, едва тронувшихся свежей зеленью берез и лип. На пороге замялся, не знал, как входить, – может, креститься надо, – но застеснялся, вошел так, по-комсомольски, прямо. Внутри пахло чем-то похожим на то, как пахло дома, когда хоронили бабушку, но было светло, довольно уютно. И пусто. Иконостас с темными ликами, обрамленными золотом, отражался в паркете по-

ла. Церковь Женька представлял себе по-другому: темной, страшной, с бородатыми попами, пытающимися затуманить разум легендами о Иисусе и запугать страшными муками после смерти всех, кто в него не верит. Но тут все выглядело иначе – просто и совсем нестрашно. И попов не было. Женька огляделся вокруг. Попа бы надо: без попа как креститься?

Из бокового притвора-двери неожиданно вышел нестарый еще человек в очках, с короткой бородой, в темной одежде.

– Здравствуйте, приветствую вас в нашей церкви Святого Дмитрия. Как ваше имя?

Человек говорил негромко, но голос его очаровывал. А может, это было влияние акустики. Женька протянул было руку, но потом передумал, заложил руки за спину, потупился.

– Евгений. Мне бы это, покреститься. И все.

– Уважаемый Евгений, а позвольте спросить вас, как вы пришли к такому желанию, из-за чего оно возникло? К Богу приходят по-разному, но все же я хотел бы знать.

Женька еще больше насупился. Ну как сказать ему почему? Засмеет же и выгонит.

– Не смущайтесь. Меня зовут отец Александр. Если не хотите говорить – не говорите. Крещение будет через час, приходите. Крестик у вас есть?

Женька отрицательно помотал головой.

– У нас есть крестики, разные, вот самый простой, алю-

миниевый, есть серебряные. Вам какой?

Женька указал на маленький алюминиевый. Отец Александр кивнул, взял крестик, нанизал его на веревочку.

– Мы не продаем их, но готовы принять подаяние.

Женька кивнул и положил в чашку белого металла рубль.

– Держите. И приходите через час, не опаздывайте. Бог с вами.

Через час Женька пришел в храм, сжимая в руке крестик. Там уже собрался народ, человек пятнадцать, одна мамаша с младенцем на руках. Отец Александр тихо разговаривал со всеми по очереди. Дошел и до Женьки. Ласково посмотрел на него, имени не забыл:

– Евгений, пришли – стало быть, желание ваше велико к Господу прийти. Вот что, женщинам за алтарь нельзя заходить по канонам, а мамаша молодая одна, без мужа. Вы не могли бы у нее ребеночка на руки взять? Да и без крестного нельзя. Будете крестным?

Женька удивился, кивнул смущенно головой. Женщина, благодарно на него глянув, доверчиво отдала крошечный голубой сверток, из которого выглядывал маленький розовый носик. Младенец спал.

– Как наречен ребеночек? – спросил отец Александр девушку.

– М-м-максим, – запинаясь, ответила она.

Священник ободряюще улыбнулся, погладил юную мать по голове.

– Детей рожать – богоугодное дело. Будет записан Максим, раб божий, и будет у него хорошая жизнь. Крестного вашего Евгением зовут, знакомьтесь.

– Так я же некрещеный еще, как я могу крестным быть? – выпалил Женька.

– Ничего, Господь все позволяет. Сначала тебя помажу, потом младенца окуну. Бог простит.

И начал отец Александр таинство крещения для одной крохи и четырнадцати взрослых строителей коммунизма.

Женька проводил Катю в Москву. Все было обыденно и грустно. Вечером они встретились у вокзала, Женька подхватил легкий чемоданчик, донес до перрона. Поезд уже стоял на пути. Катя посмотрела на него, молча взяла чемодан, зашла в плацкартный вагон и села на боковушке, напротив стоящего на перроне Женьки. Он смотрел в окно на нее, а она смотрела на столик перед собой. Поезд стукнул сцепками, дернулся сначала назад, а потом плавно поехал вперед, увозя от него любимую девушку Катю с большими карими глазами.

На следующий день Женька зашел в деревянную церковь, чтобы теперь на полном праве приобщенного к Богу попросить у него Катиной любви. В недоумении встал посреди храма, осматривая иконы: какой же помолиться? Отец Александр вновь тихо и незаметно подошел к Женьке.

– Здравствуйте, Евгений. Что вновь привело вас в храм? Женька опять пожал плечами, не решаясь спросить.

– Знаете, Евгений, к Богу приходят разными путями. Но основные таковы: первый путь сформулировал еще в семнадцатом веке Блез Паскаль, утверждая, что без веры жить опасно, ведь никто не знает, что там, после смерти, а по канонам веры – незатруднительно, зато какая выгода при реальном существовании Бога. Я называю такой путь «погоня за выгодой». Конечно, это несправедливый путь. Вторым – это когда человеку что-то нужно, а попросить более не у кого, кроме как у Господа. Назовем это путем материальной заинтересованности. Кто-то просит жизнь вечную, кто-то машину, дачу и иное благосостояние, кто-то счастья детям и себе. Путь, конечно, может иметь право на существование, но также не является истинным путем верующего. Третий путь – путь просветления и покаяния, когда человек кается за свои грехи и просит прощения у Господа. Хороший вариант для заблудших душ. И наконец, четвертый путь, когда человек не может найти ответы на вопросы о смысле своего бытия, о первичном в мире, о душе своей после смерти, о правде, о праведности, о добре и зле, – и тогда он приходит к Богу, который дает ответы на эти вопросы и утешает мятущуюся душу, и тогда лишь человек начинает истинно верить. Вы, Евгений, предположу, пришли просить у Бога что-то? Пятерку на экзамене или любовь девушки?

Женька смущенно кивнул головой.

– Бог не даст вам ничего, пока вы не уверуете в него и не дадите ему свою любовь и веру. Предпочтите четвертый

путь. Веруйте, ищите веру в своем сердце – и обрящете счастье, а счастье не в том, чтобы исполнились сиюминутные желания. Счастье – верить. Вот, возьмите, прочтите, – отец Александр протянул Женьке маленькую книжку, – мне кажется, что для вас интересным будет поэтическое Евангелие от Матфея. Прочтите внимательно. Возможно, вы найдете ответы на некоторые вопросы, которые подспудно задавали себе. Идите с Богом. Аминь.

Отец Александр перекрестил Женьку, и тот, осторожно пятясь, вышел на улицу. Маленькую книжку он аккуратно положил в карман пиджака.

Генри вытребовал встречу у себя на квартире вечером, сдав последний экзамен по ядерной физике: ответы на билет он удачно и быстро списал со шпоры, идеально начертанной Женькой на восьмушке тетрадного листа, завалился на дополнительных вопросах, но желанный «уд» все-таки получил, сессия осталась позади. Встреча была посвящена подготовке к поездке на Урал.

– Так, старик, короче, палатку я достал, польскую, четырехместную, билеты купил, купе, с тебя червонец! Посуду берем железную, каждый свою. Одежда, чтобы спать, тоже. Ну, там, удочку уж сам, по желанию. Катьку предупреди свою любимую.

Женька повесил голову:

– Не поедет, она в Москве.

– Да? Ну и прекрасно, старик, короче, я беру Жанку, у нее

есть подруга Оля, нормальная девчонка, и к черту Катьку. По рукам?

– Да не надо мне никого!

– Старик, ты не прав. Ладно, пока у тебя траур по Кате. Не буду тебе душу травить, сам приглашу, познакомитесь в поезде. Итак, папан договорился со своим старым сослуживцем, нас в Перми встретят, все покажут. Вперед, к приключениям! – Генри торжественно поднял руку, как капитан Грант или даже как сам Ленин.

Оля оказалась маленькой блондинкой с большим ртом и выглядела Паташоном по сравнению со своей подругой Жанной, высокой и стройной брюнеткой. Она была очень общительна и тараторила без умолку, начав говорить еще до посадки в вагон и прерываясь только на проглатывание порций еды, разложенной ею же на столике купе. Генри откупорил бутылку вина, разлил девчонкам, сам же, подмигнув Женьке, выудил из рюкзака «Пшеничную», снял алюминиевую пробку-бескозырку, разлил в стаканы.

– Ну, за успех и за любовь!

Стало жарко. Женька расстегнул рубашку. Крестик вывалился из-под ворота, чем немало удивил Генри:

– Ты чего это, покрестился? Или был с детства? Я на тебе крестика не замечал.

– Покрестился.

– Ты же комсомолец, студент физфака, откуда такое невежество? Старик, Бога нет, и это доказывают все ученые ми-

ра. Ты реально веришь в Бога? Увидит комсорг курса – мало не покажется. Подумай.

– Генри, у нас свобода вероисповедания. Насчет «верю – не верю» пока сам не определился, но послушай: какие ученые доказали, что Бога нет?

– Как какие? Маркс, Энгельс.

– Да нет у них про это ничего.

– Ну да, диамат, конечно, полная пурга. А физики? Да ты посмотри: как там Бог сделал за шесть дней весь мир? Он даже не знал, что мир состоит из атомов, атомы из элементарных частиц, протонов, нейтронов, электронов. Как он его мог так быстро создать? Физики открыли уже всё, доказали, что не Бог это создал.

– Нет, Генри, ты не прав. Потому, например, что уже предположили и скоро докажут, что протоны и нейтроны – не конечные частицы, они состоят из кварков. Стало быть, откроют еще более мелкие частицы – и так бесконечно, мир непознаваем!

– Это что еще за штуки – кварки? Мы такого не проходили.

– Это я на факультатив ходил. Давай попроще пример. Энтропия...

– Мальчики, мы ничего не понимаем, можете говорить на русском, а то нам ску-учно, – протянула маленькая Оля.

– Да-да, старик, энтропия – я это где-то слышал, но не помню, что это.

– Это мера хаоса в термодинамической системе. А есть закон, второе начало термодинамики, который, если опустить термин «энтропия», гласит, что в замкнутых системах хаос только возрастает, упорядочение не происходит.

– Ну и что, старик? Давай лучше выпьем, а то девчонки заскучили.

Они выпили, но Женька не мог остановиться. Ему надо было оправдаться за крестик.

– Так вот, чем дальше, тем сложнее изучить эти системы, а, стало быть, и всю вселенную! Она не поддается изучению! Таким образом, доказать отсутствие Бога невозможно, или, иначе, Бог не дает нам познать мир.

– Ну и зачем ты тогда учишься в университете? Ха-ха! Давай сразу в монастырь, Жентос!

Все засмеялись, Женька замялся и прекратил умничать. Вечером парни легли на верхние полки, девчонки на нижние, и сон, незаметно подкравшийся под равномерный стук колес, завершил день и остановил непрерывный поток речи из большого рта миниатюрной Оли.

На вокзале в Перми их встретил крупный человек в костюме, шляпе и плаще. Бодро пожал всем руки, особенно крепко – Генри.

– Ох, как похож на батю, Геннадий! Я с твоим отцом в былые годы – ого-го! Заводы перевозил в войну, налаживали мы с ним производство! Меня вот в Перми оставили, а его в Москву перевели. Эх, были времена! Ну, рассказывайте,

куда вы. Батя говорил, что в Кизел?

– Да, дядя Слава, в Кизел, сокровища искать.

– Ха-ха, да какие у нас сокровища? В Кизеле уголь. Ну, тоже сокровище, так сказать, черное золото! В общем, туда я уже позвонил, вот электричка пойдет скоро с Горнозаводского пути. А может, останетесь в Перми на денек-другой, погуляете, угощу вас?

Женька оглядел унылый вокзал, трубы на горизонте, пыль, чуть прибитую дождем, и отрицательно покачал головой, Генри был того же мнения:

– Нет, дядя Слава, мы поедем. Может быть, на обратном пути.

– Ну, как знаете, вот телефон в Кизеле, приедете – с вокзала позвоните.

– Спасибо.

Вскоре они уже весело грузились в электричку, идущую до Соликамска. Стучали колеса, за окном проносились пейзажи Урала: сначала зеленые поля, потом хмурые леса, прорезываемые многочисленными реками и ручейками, вскоре пошли скалы, холмы, вдалеке виднелся низкий горный хребет, покрытый лесом.

– Смотрите, мальчики, как здорово! Мы тут будем жить в палатке! Искать грибы и ловить рыбу! Как романтично! – Оля весело тыкала пальцем в грязноватое окно вагона.

Генри целовался с Жанной, Женька стеснительно смотрел в другую сторону. Электричка была полупустая, из-за высо-

ких спинок неудобных деревянных сидений никто больше этой любовной сцены не видел. Вскоре и Оля начала прижиматься к Женьке плотнее, чем раньше. Но тут поезд остановился, заскрипев тормозами, и в окно всплыла надпись на небольшом здании «Кизел».

– Приехали, выгружаемся! – радостно заорал Женька, отлепил от себя Олю, которая только начала клевать носом, схватил рюкзак и палатку.

Остальные последовали его примеру, гурьбой выпав из дверей электрички. Набрал смешной, очень короткий номер в телефоне-автомате, они уже через полчаса тряслись в кузове грузовика. Вез их к себе седоватый мужчина в грязной рабочей одежде, который приехал за ними на вокзал и представился так:

– Николай, парторг шахты имени Ленина. Вячеслав Анатольевич велел помочь вам, располагайтесь пока у меня, я один живу, со смены вернусь – расскажете, что надо: рыбалка, охота – всё организую, у меня с завтрашнего дня отпуск.

Расположились в деревянном домике на две квартиры, с печкой и скрипучими полами. Вечером Николай вернулся, заварил чай, высыпал пряники из бумажного кулька.

– Ну, давайте, рассказывайте, куда хотите поехать. Рыбалка сейчас знатная, отвезу.

– Да нам бы кое-что узнать. Рыбалка, конечно, природу посмотреть, но заодно тут поискать потерянное.

– Это что еще?

Женька с Генри вкратце рассказали о книге, писателе и делах времен Гражданской войны в этих краях. Николай лишь пожал плечами:

– Скорее всего, байки это. Алмазы и золото тут есть, чуть севернее, на Вишере. Но чтобы клады... Бабка рассказывала про клад Ермака, но то еще древние годы. Да про золотую бабу, идолище манси, что в пещере спрятано, но то не у нас, в Свердловской области. А все остальное – рассказы. Так как шахта называлась, где они спрятали-то?

Женька выудил книгу, полистал, нашел место.

– Княжеская, вот, написано.

Николай усмехнулся:

– Я ж говорил – байки. Княжеская – это старое название шахты имени Ленина, где я работаю. Там вряд ли что спрятано, шахта стахановская, угля на-гора дает больше всего. Да и рядом она, прям в городе. Если там золото и было, его давно бы нашли.

– Вот, Генри, я же говорил, что это вымысел!

– Погоди, Жентос. А другой шахты с таким названием нет в округе?

– Нет... Хотя, погоду, есть еще одна, Княгининская называлась. Только вот где – не знаю. Спросим завтра.

– А давайте завтра посмотрим эти шахты?

– Давай.

Наутро пошли к шахте имени Ленина. Огромное высо-

кое здание, вокруг нагромождение других, железнодорожные пути, вагоны, краны, люди, шум. Точно, золота тут быть не может. Да и романтикой не пахнет, грязно, пыльно. Прибежал Николай, принес неутешительное известие:

– Княгининская – это бывшая шахта имени Фрунзе, вон она, с той стороны речки, – указал он пальцем, – теперь тоже имени Ленина, объединилась до войны, а я-то и не знал. Сами видите, какой там клад...

Издалека было видно такое же движение, что и здесь. Шахта работала.

– Достали уже все золото и вывезли в Москву еще в Гражданскую. Что они, дураки, что ли, белым его оставлять? Конечно, вывезли, – Женька махнул рукой.

– Давайте-ка я вас на речку свожу, хариуса половите, я научу. Харьюзок вкусный, небось не пробовали? Поехали! Чо тут пылью угольной дышать да водами кислотными?

Николай помог девчонкам забраться в кузов, завел мотор грузовика, и они потряслись по лесной дороге в глубь тайги. Часа через четыре тряски по буеракам грузовик остановился на привлекательной полянке у быстрой прозрачной речушки.

– Усьва, – объявил Николай, закуривая папиросу.

– Ух ты, как здорово! – закричала Оля, прыгая по камням у берега. – Ой, смотрите, рыба, рыба!

Действительно, по воде расходились круги, то там, то здесь появлялась на мгновение серая спинка с острым плав-

ником.

– Хариус. Щас наловлю, вы пока располагайтесь, костер палите, топор в кузове.

Николай взял из кабины ивовую удочку и отправился на камешки, рассыпанные по берегу. Уже через полчаса под восторженные крики Оли он принес несколько серебристых рыбок, нанизанных на прут.

– Ну вот, уха обеспечена.

Костер у Генри и Женьки не заладился, хотя Женька тщательно колот на щепочки толстый ствол елки. Николай отодвинул его, плеснул на ветошь бензина из бака, кинул на ветки, поджег. Огонь полыхнул, вскоре занялись и толстые чурбаки. Закопченный котелок уместился на ветке, перекинутой через костер.

Девочки начистили картошку, лук, как велел Николай, рыбу почистил он сам. И вскоре уже дымилась, щекотала бесподобным запахом носы ленинградских студентов вкуснейшая уха.

Генри разлил водку, даже девочки попросили налить им. Все выпили и дружно застучали ложками.

– Ладно, отдыхайте, приеду завтра. – Николай завел мотор и уехал.

Парни начали ставить палатку. Через полчаса мучений палатка стояла, гордо выставив свои желто-зеленые бока с прозрачными вставками.

– Старик, ты пока с Олей посиди у костра, а то тут такое

дело... Ну, ты понимаешь, – пьяно прошептал Генри в ухо Женьке. Тот кивнул, сел на чурбак рядом Олей, которая грела руки у огня. Вечерело, и ночной июньский воздух пробирался под одежду. В палатке завозились, похихикали, затем она равномерно затряслась. Женька смущенно глядел в костер. Оля молчала. Потом пододвинула свой пенек поближе к Женькиному, забралась ему под штормовку, прижалась, поглядывая в глаза. Женька почувствовал тепло ее тела, в груди затрепетало.

– Какой ты теплый... А ладошки холодные, давай, погрей их тут, – Оля увлекла руки Женьки к себе под свитерок, на грудь. Ее губы потянулись к его. Женька поцеловал ее в жаркие, ищущие губы и – отпрянул. Покачал головой, убирая свои руки.

– Оля, у меня девушка есть. Любимая. Я так не могу, понимаешь? Так нельзя, неправильно.

– Ну и дурак! – буркнула Оля и сорвалась с чурбака в палатку, где уже прекратились всякие звуки.

На речной берег опустилась темнота, но не такая прозрачная, как в Ленинграде. Звезды тускло мерцали на небе. Женька вздохнул и полез в палатку.

Наутро он встал первым, раздул чуть тлевший костер, подвесил котелок с водой. На реке стоял туман. Сквозь него проглядывало молодое солнце. Женька взял книгу, открыл на середине. Еще прочитал. И тут его осенило: «Поезд с золотом уехал недалеко по железной дороге от Кизела. По опи-

санию, они шли две-три версты от дороги, значит, надо искать вдоль железки шахты на расстоянии три-четыре километра! – Он еще раз пробежал некоторые страницы. Его разобрало сомнение. – Там написано, шестьсот пудов золота и платины было. Разгружали семь человек. За одну ночь. Но если поделить вес груза на количество человек, то получается, что каждый перенес по полторы почти тонны. Если учесть, что три километра с грузом человек преодолевает за час, да полчаса налегке идет обратно, а груза возьмет максимум пятьдесят килограммов, то выходит, что они таскали два дня беспрерывно. А это невозможно даже для самых настоящих рыцарей революции и самых преданных ленинцев».

В палатке зашевелились, вылез заспанный Генри, затем Жанна, Оля не показывалась. Женьке стало жаль ее. Но вчера он поступил правильно, ведь Катя ждет его. Катя любит его. Наверное. Вот он точно ее очень-очень любит.

– Ну что, старик, жизнь хороша? – Генри заговорщицки подмигнул. – Было у вас с Олькой вчера?

Женька хмыкнул:

– Ты там заснул, где мне было?

– А, точно, старик, забыл... Но Жанка – это что-то. Такая заводная – ого-го! О, чай готов! А ты чего, перечитываешь байки про золото?

– Генри, мы не там ищем. Может, и не байки.

– Ну что ты нам нарыл, голова?

– Надо спросить у Николая, какие шахты, старые, забро-

шенные, есть недалеко от железной дороги, в километре от нее. И недалеко от Кизела. Вот, внимательно прочитал описание.

– Ребята, вы чего? Ой, спасибо, Гена, за чай. Что вы обсуждаете? – Жанна подошла к костру. – А Оля спит еще? Замучил ты ее вчера, Жень?

Женька вздохнул: и эта туда же.

– Нет, Жанна, она просто хочет спать.

– Ничего я не хочу. Домой хочу. У вас в палатке тесно, а Евгений всю ночь храпел, как старый дед. Неинтересно с вами, – из палатки вылезла недовольная помятая Оля-дюймовочка. Светлые волосы были копной, и вообще смотрелась она карикатурно.

– Не грусти, Ольга! Женька нашел золото, сейчас будет интересно-о! – пропел Генри.

Когда приехал Николай, ребята спросили у него про шахты. Он сходил в кабину, вынул потрепанную карту, раскрыл ее. Четыре головы склонились над листом, и только Оля, все еще надутая из-за вчерашней обиды, поглядывала на них от костра, не подходя ближе.

– Ну вот, смотрите, вот железка, – вел пальцем Женька по карте – где тут шахты?

– Да везде, – усмехнулся Николай, – вон в Луньевке их полно. Туда и ветка ведет.

– Вот-вот, написано, что они шли по заброшенной ветке узкоколейки до шахты.

– Только в Луньевку ведет нормальная ветка, и там действующие шахты. Там поселок большой, шахтерский.

– Нет, тогда отпадает. А еще по дороге где шахты есть?

– Везде, я ж говорю. Тут кругом дырки в земле еще с царских времен. Идешь в лес по грибы – да и наткнешься на старую штольню. Так можно вечно ваше золото искать. Да нет его тут. Айда завтракать, молодежь! И на рыбалку!

После завтрака девочки под руководством Николая с восторженными криками ловили рыбу, повизгивая, когда надо было взять ее руками и снять с крючка. Николай, улыбаясь в усы, ходил от Жанны к Оле, помогая снимать хариуса. Днем поставили коптильню, которая оказалась в кузове у запасливого аборигена. Женька все никак не мог оторваться от раздумий, то открывая книжку, то почесывая в затылке. Уже под вечер, когда Николай раскинул рядом с их новенькой свою незамысловатую, издававшую виды брезентовую палатку, Женьке, сидящему у костра, пришла в голову мысль.

– Эврика!

Все обернулись к нему.

– Вот еще что! Шахта было соединена с пещерой! Есть такие старые шахты?

– Да есть вроде, у нас прям в Кизеле одна есть, пещерка Вящерская. Ну, еще есть, и немало.

– А еще, Николай, где тут есть десятый разъезд?

– Десятый? Шас все по километрам меряют... Слушай, а точно, у меня дядька в тридцатых стрелочником работал

тут, как раз на десятом разъезде. Помню, рассказывал. Так это у Расика, если не ошибаюсь.

– А что такое Расик? Смешное название.

– Так это поселок рядом с Кизелом.

– Нет, ты скажи: там есть какой-нибудь грот рядом, вход в пещеру?

– Есть, прямо у разъезда. Небольшой, неглубокий, дырка красивая. Посмотреть, что ли, хотите?

– Очень! Все подходит под описание, оттуда выбираться должен был один из тех, кто взорвал пещеру, когда золото там спрятали!

– Ну, ты голова! – восторженно произнес Генри. – Так выпьем же за умных и смелых!

В эту ночь Женька до палатки доползти не смог. Да и хорошо, что не смог, потому что рвало его кашей гречневой с тушенкой, жареным хариусом и хлебом с кабачковой икрой всю ночь. Только под утро отпустило, и он забылся у тлеющего костра.

Назавтра, отпившись чистойшей водой из Усьвы, собрав лагерь, отправились все вместе на грузовике Николая к поселку Расик. Проехали через Кизел, дорога шла вдоль речки со смешным названием Вящер. На берегу этой маленькой речки и встали.

– Дальше нет дороги, провалы, а потом железка. Пёхом надо, – пояснил Николай и повел студентов по берегу. – Вон она, пещерка, – указал он на вход, – только она маленькая,

грот типа. Я тут покурю, а вы идите, осматривайте, искатели сокровищ.

Николай усмехнулся, махнул рукой, сел на пригорок, покрытый земляникой, закурил папиросу. Солнце пригревало, июнь был жарким в этот год, лето обещало быть длинным и теплым. Если так, то сено уродится, в июле надо будет еще отпуск брать на покос. В доме у матери корова да телка, надо косить. Хоть и платят в шахте неплохо, и холостой он, а корова всегда помощью была в семье. Николай вздохнул, зажмурился на солнце, провел рукой по ковру трав, зеленому с красными ягодными каплями. Ощутил тепло земли и покой. Откинулся на спину, лицом в солнце, и задремал.

Девчонки бегали по гроту, восторженно охая, поднимая камни и палки, воображая, что это остатки жизнедеятельности древних людей. Женька, осмотрев грот, остался недоволен. Генри спустился к нему:

– Ну что, старик, нет здесь золота?

– Понимаешь, Генри, в эту пещеру слон войдет и выйдет, не наклонившись. Сюда за пятьдесят лет сотни туристов и местных ходили. Тут точно нет золота, а в книжке написано, – Женька вытянул из рюкзака книгу, – что есть еще один выход из пещеры, у десятого разъезда. Если это десятый разъезд, то тут выход, но раз выход такой громадный, почему надо было тащиться по лесу три версты с грузом, если можно тут, рядом с железной дорогой, быстро разгрузить вагоны? Нет, тут что-то не то. Во-первых, выход из той пе-

щеры с золотом должен быть небольшой, лаз, а во-вторых, длинный. А тут двадцать шагов – и вся пещера. Грот и есть грот.

– Так давай рядом поищем – может, есть чего? – предложил Генри, и они вдвоем начали прочесывать окрестности. Девчонки присоединились к ним. Оля уже забыла обиду и бегала, как хомячок, собирая землянику. Через полчаса Генри подозвал Женьку:

– Жентос, смотри, это не может быть тем лазом? – он указал на трапециевидную дырку в большом бело-желтом камне. Дырка размером не более метра вела в глубь камня.

– Ну-ка, давай, я проверю. Фонарик с тобой?

Генри подал Женьке фонарик, тот включил, постучал им по ладони, выбивая тусклое свечение лампочки, скинул рюкзак и полез в отверстие. Через минуту вернулся.

– Там потом расширяется, но завал из камней. Старый. Метра четыре – и тупик. Похоже, всё. У меня идеи кончились, да и наш абориген нам вряд ли уже поможет, – кивнул Женька на спящего на полянке Николая и отдал фонарик. Прискакала Оля, выхватила фонарик из рук, увидев дыру, позвала Жанну:

– Смотри, еще пещера, полезли, будем спелеологами, а то что-то мальчишки загрустили.

Жанна улыбнулась ребятам:

– Лазили туда?

Они кивнули.

– Пусто там, Жанка, ну, залезайте, поиграйте в пещерных медведей, я тебе вечером в палатке покажу настоящего пещерного, – ухмыльнулся Генри.

Девчонки скрылись в дыре. Послышалась возня, стук камней. Изнутри раздался рык Оли, смех Жанны, полетели камни.

– Это мы изображаем медведей, бойтесь! – крикнула из пещеры Оля.

Генри вытащил сигареты, предложил Женьке. Закурили. И тут раздался такой истошный визг, что Женька свою сигарету уронил за воротник рубашки, обжегся, побежал к дыре, хлопая себя по груди, пытаясь затушить окурок. Генри сорвался тоже.

– Что там у вас, настоящий медведь пришел?

Из пещерки выдралась, дико визжа, сначала Жанка, потом Оля, схватились за парней, спрятались за их спинами. Девчонок била крупная дрожь.

– Там, там...

– Да не тряситесь, что там?

– Там мертвый!

– Что за ерунда, девочки! Какой мертвый? Оля, где мой фонарик? – Генри протянул руку.

– Там!!! – завопила Оля, указывая на лаз. – Мы камни разбирали, чтобы в вас кидать, они осыпались, а из-под них мертвые глаза! Я фонарик уронила... Ужас!

– Черт. У нас был один фонарик.

Женька залез в карман, потряс коробком со спичками.

– Ладно, я полезу, найду фонарик и посмотрю, что там вас напугало. Камень, наверно, приняли за голову.

– И не орите, уже уши заложило, – сказал Генри.

Женька полез в пещерку, дошел до осыпи камней, чиркнул спичкой. Неровное пламя осветило камни, блеснул алюминием фонарик. Он поднял его, потряс, нашел контакт, лампочка нехотя загорелась. Поводил лучом по камням, и вдруг желтоватый пучок света выхватил из тьмы торчащий из-под осыпи камней человеческий череп, кости руки, а рядом с костями – ржавый старинный револьвер. Женька выбрался наружу, держа оружие в руке.

– Ух ты, что это? Наган! Где взял? Что там?

– Там, Генри, и правда скелет. Вот, возле валялось. Надо милицию звать.

– Давай хоть наган спрячем. Хорош, хотя и поржавлен.

– Нет, узнают – хуже будет. Пошли к аборигену, отправим его за милицией.

– Мальчики, там правда мертвый? Правда? – приставала к ним Жанна. – А то я не видела, это Олька видела, как закричит, я испугалась и бежать...

Николай привез милиционеров из Кизела, они полезли в пещеру, расковыряли грунт, которым был засыпан скелет. Женька отдал им револьвер. Студенты сидели у пещеры, отвечая на вопросы следователя, пока другие милиционеры вытаскивали камни и кости. Один из них вдруг закашлялся,

вылез наружу, пачкая серый китель не первой, правда, уже свежести с помятыми погонами сержанта.

– Смотри-ка, Андрей Саныч, чего у него в одежде было. Одежонка сгнила, а в реберных костях в тряпице вот что. Может, областное УВД уведоим и комитет?

В руках у сержанта была черная полусгнившая тряпица, из которой он достал небольшой желтый кирпичик, тускло поблескивающий на солнце.

– Золото? Клеймено при царе. Да нет, не стоит, Иваныч, то дела давно минувших дней, похоже, этот труп тут с Гражданской лежит. Больше ничего не нашли?

– Нет.

– Ну, тогда оформляем да в отдел. Погодка хороша нынче. Коля, ты на хариуса ходил? – обратился следователь к Николаю.

– Да так, вот с ребятами. Берет.

– Эх, и мне бы! Отпуск только в ноябре. Ну, может, вырвусь в выходные куда. Подкинешь, чтоб пехом не махать?

– Само собой, любимую милицию и не подкинуть – как можно?

Генри, внимательно наблюдавший всю эту сцену и не сводивший глаз с золотого слитка, ткнул локтем Женьку в бок:

– Видел?

Тот кивнул головой.

– Ну, всё, ребята, распишитесь тут и свободны. Коля, ты тож черкни. Всё, бывайте.

Студенты дошли до машины, Николай только хотел откинуть борт, но тут Женька схватил его за руку:

– Николай, скажи, а тут рядом есть штольня старая, которая с пещерой соединяется?

– Ну... Есть тут штольня, на берег реки выходит. Только крепь сгнила совсем, не советую туда лезть. Мальчишкой был там, пещера есть, провал от штольни в карст. Рядом, километра два отсюда, если по тропе. Пошли, покажу.

Вход в штольню был в сырой низине у речки, он совсем зарос подлеском, крапива стояла в рост, и Николай не сразу нашел его. Генри порубил крапиву еловой веткой, сквозь березовую поросль пробились к входу. Женька чиркнул спичками, Генри тряс фонарик, который никак не хотел загораться.

– Батарейки сели, что ли.

Он достал батарейки, постучал друг о друга, зарядил вновь, лампочка зажглась. Ведомые слабым лучом, пошли гуськом вперед, оставив трусивших девчонок дожидаться у входа. Обошли один обвал, второй, третий совсем завалил штольню, продрались ползком, а после него вдруг влево ушел провал нерукотворного происхождения. Женька указал на него, когда спустились с трухи давно сгнивших досок пола штольни на каменно-глиняный пол пещеры, где виднелись не растаявшие с зимы ледяные сталагмиты. Прошли вперед, под большой свод. Вдруг луч фонарика выхватил из тьмы ржавый предмет, Женька зажег спичку, по-

смотрел – керосиновая лампа. Генри поводил фонариком вокруг – только камни, но Женька опустился на колени и жег спичку за спичкой, осматривая грязную глину. Поднял щепку, вторую, и тут...

– Фонарик поднеси, Генри, посвети на руку.

В раскрытой ладони Женьки лежали несколько грязных кругляшков, иногда отсвечивая в слабом луче фонарика то бородой отчеканенного царя, то надписью на гурте, то головами орлов. Женька протер их:

– Царские червонцы!

Сколько ни ползали по полу – насобирали только одиннадцать штук. Усталые и грязные, выползли на свет, показали девочкам находку.

– Ура! – кричала Оля, а Жанна просто жадно перебирала отмытые в росе крапивы желтые монетки.

– Это золото? Из него можно сделать колечко и сережки? Как интересно! Генри, ты сделаешь мне из них украшения?

Лишь Николай, жадно поглядывая на золото, тихонько сказал:

– Надо бы сдать, по закону... – но расслабился, когда Генри отсчитал в его мозолистую руку четыре монетки.

– Ну, товарищ секретарь, партии эти монетки не помогут, а нам приятно. Давай оставим на память. Кстати, мы тебе еще должны за проводника, а я в чемодане у тебя дома оставил настоящий американский виски! Пил виски?

Николай помотал головой, он даже названия такого не

слышал.

– Ну вот, вези нас домой, экспедиция завершена, пьем отходную и завтра – тугу, в родные пенаты!

Радостная и опьяненная находками, пусть и незначительными, компания весело отправилась к грузовичку.

В Ленинграде Женька едва успел на поезд в Казахстан со своим стройотрядом. Он ударно там отработал на строительстве коровника, получил немалые деньги, съездил на недельку к родителям, дал денег маме, выслушал пьяные жалобы отца, повозился с подросшим братишкой, помог выкопать картошку и к сентябрю вернулся в университет.

Генри еще не было, говорили, что уехал по путевке в Болгарию. Где такие путевки дают, Женька не знал, ему не предлагали.

Конечно же в первый день после лекций рванул к Гостиному, у бабок купил еще дешевые местные астры и вскоре уже стоял у пединститута, держа букет за спиной. Но прошло полчаса, час, а Катя не появлялась. Тогда Женька пошел к ее дому, поднялся на этаж, постоял перед дверью, подумал и засунул букет за ручку, а сам поднялся выше, сел на подоконник и стал ждать, улыбаясь тому, как же Катя удивится, увидев цветы. Но Катя все не шла. Наконец скрипнула дверь, Женька выглянул из-за перил. Букета не было, кто-то забрал. Он спустился к квартире. Дверь неожиданно распахнулась, за ней стояла мама Кати.

– Здравствуйте, Евгений. Ваши цветы?

– Да, – смущенно произнес Женька, – а Катя...

– А Катя в Москве, представляете? Перевелась туда. Вот, замуж выходит, на следующие выходные едем на свадьбу. Да, Евгений, вот и выросла наша дочка, – мама Кати смахнула слезинку с краешка глаза.

Женьку словно обухом ударили:

– Как замуж?

– Приехал человек, знакомый наших родственников, мужчина видный, предложил ей руку и сердце, перевел в Москву. А что, партия хорошая, он ученый, в МГУ преподает, может, даже академиком станет. Только жаль, что вот дочка уезжает... Ведь единственная она у нас. Вот так. За цветы спасибо, я ей передам, что вы приходили.

– До свидания, – только и смог произнести Женька, кубарем скатился по лестнице, выбежал из двора и понесся по проспекту. На глаза наворачивались слезы. Когда приехал к себе на Коломяги, закрылся в комнате, дал волю чувствам, поплакал. Потом сдернул с себя крестик, отшвырнул.

«Где тот Бог, что должен помогать? Где он? Почему он делает так, что желание жить пропадает? Да нет никакого Бога! Всё выдумки попов. Не верю! Но, Господи, помоги мне, ведь если ты есть, то слышишь меня и видишь мои страдания, помоги! Я люблю ее!»

Но Бог молчал, видимо, с укоризной глядя на зарёванного здоровенного парня и сорванный, лежащий на полу алюминиевый крестик.

После защиты диплома Женьке предложили остаться в аспирантуре. Генри же укатил в Москву, к отцу, тот устроил его куда-то в секретный институт с возможностью научных заграничных командировок, хотя Генри мало что понимал в теории ядер и диплом защитил кое-как. Изредка он позванивал, сообщая об очередных своих победах на амурном фронте Москвы и Подмосковья.

После сдачи кандидатского минимума Женькин научный руководитель вызвал его к себе.

– Евгений, послушайте, вы хорошо знаете теорию, но теорию требуется подкрепить практикой. В нашем учебном заведении это, к сожалению, невозможно. А вот из родственных институтов предлагают варианты. Перед написанием диссертации не хотите ли поработать по тематике, так сказать, в поле?

Женька пожал плечами. Ему было решительно безразлично. Может, как раз там, «в поле», его спасение от той пустоты, что поселилась в душе? Кате он писал длинные письма, но она никогда на них не отвечала. Других девушек он поначалу не замечал. Уже на пятом курсе Генри позвал его как-то знакомиться с очередной подружкой своей девушки, но та сбежала прямо из кинотеатра, сказав:

– И зачем мне такой скучный и нудный парень?

После этого Женька начал представлять себе, что все девушки похожи на Катю, и пытался с ними знакомиться, но безуспешно, они игнорировали его слабые сигналы. В кино и театры Женька ходил с Генри или один. Поцелуи на задних рядах прошли для него лишь как комичная декорация в виде Генри и его девушек. А когда тот уехал в Москву, он вообще ушел в себя и в науку. Так что командировка, возможно, кстати.

– Да, Виктор Павлович, конечно, я готов, – кивнул Женька. – Куда ехать?

– В Челябинск. Семьдесят.

Женька не обратил внимания на цифры после названия города: «В Челябинск, так в Челябинск». Получил документы, командировочные – только на проезд, так как на месте его устроят на работу, зарплата пойдет там.

За день до отъезда он зашел в старую деревянную церковь, где его крестил отец Александр. Там было так же пусто. Из-за алтаря вышел незнакомый священник, пожилой, с большим крестом на толстом животе. Женька помнил, что у отца Александра крест был из темного дерева, а у этого сверкал серебром и золотом.

– Чего тебе? – грозно спросил священник.

– Отца Александра бы увидеть.

– Нет его, перевели.

– А куда?

– Куда – мне неизвестно. Что еще? У меня сейчас отпева-

ние, говори скорей да иди.

Женька внимательно посмотрел на хмурого священника, так резко отличающегося от отца Александра, и спросил:

– Скажите, а Бог есть?

Священник отшатнулся, словно его ударили, осенил себя крестным знаменем.

– Уйди из храма, безбожник! Ходят тут, а потом утварь пропадает! Бог есть, и тебя-то он и покарает!

– За что он меня покарает?

– За слова твои бесовские.

– Согласен. Пусть покарает. Прямо здесь, в храме своем. Вот я, жду кары. – Женька встал перед алтарем, раскинул руки.

– Изыди, я сейчас милицию вызову! Хулиган!

Женька грустно посмотрел на священнослужителя, развернулся и вышел на свет, так и не дождавшись божьей кары. Поп вдогонку грозил ему кулаком с порога церкви.

«Для чего же я живу? Какой в этом смысл? И что после меня останется?» Женька шел к метро, а в висках мучительно стучало прочно засевшее там гамлетовское: «Что лучше для души – терпеть пращи и стрелы яростного рока или, на море бедствий ополчившись, покончить с ними? Умереть, уснуть...»

Перед поездкой пришлось сходить в Большой дом на Литейный, показать направление хмурому милиционеру внизу, получить пропуск и зайти в кабинет серого человека, кото-

рый молча посмотрел на Женьку, открыл папку и сунул листок желтоватой бумаги, на котором на машинке были отпечатаны слова, повествующие о том, что теперь он, Евгений, никогда и никому не выдаст страшную государственную тайну деления ядер урана, о чем дает клятву и подписку. Практически кровью.

– Вы член партии? – глядя на Женьку, читающего текст подписки о неразглашении, спросил человек в сером.

Тот отрицательно помотал головой.

– Ну как же так, на такое ответственное задание отправляетесь – и не в партии.

– Так молод я еще, – нагло ответил Женька.

– Комсомолец? – одобрительно, не поняв иронии, спросил серый.

Женька кивнул.

– Значит, и в партию вступишь. Подпиши здесь и здесь, свободен.

Поезд довез его только до Свердловска. Проезжая через Пермь, Женька вспомнил Генри, Олю, золото. Вроде бы все было так недавно, но как уже давно, и пропасть опустошенных чувств разделяла то время юношеской беззаботности и настоящее. Он проводил глазами перрон, думая, что не вернется сюда никогда: ведь именно этот город стал границей его нового восприятия мира. Там остались мечты, романтика и любовь, здесь – работа, будни, одиночество. Хотя он уже привык к этому чувству настолько, что оно его

не очень тяготило. Еще в его картине мира было понятие дружбы, но друзья детства остались где-то там, за горизонтом его сегодняшнего существования, на тракторах и на молочно-товарных фермах, в кирзачах и с казенной водкой. Перед линией же горизонта друзей не появилось. Разве что Генри, но и тот скрылся за блатными стенами столичного НИИ. Пусто. И только Бог мог разрушить пустоту его существования. Если бы только он был...

Доехать до пункта назначения оказалось не так просто, как думал Женька. Проводив глазами отошедший с соседнего пути поезд на Челябинск, он поплелся к окошку военного коменданта и показал требование. Потный капитан за стеклом только покачал головой:

– Туда поезда не ходят.

– Как не ходят? Только что поезд на Челябинск ушел.

– То на Челябинск. А тебе в Челябинск-семьдесят. Разуй гляделки, парень!

Женька посмотрел на требование. Точно, Челябинск-семьдесят. Но, может, это район Челябинска?

– Иди на автовокзал, спросишь автобус до Челябинска или Каслей. Требование покажешь военному коменданту. Туда только так.

Автобус довез Женьку до КПП, где офицер охраны потребовал у него документы. Долго их изучал. Наконец вызвал сопровождающего, и Женьку отвели в здание комендатуры. Туда через полчаса явился штатский и увлек за собой. В дру-

гом здании прошли через большую приемную мимо секретарши в не менее огромный кабинет, где за столом сидел хмурый человек.

– Вот, Вениамин Аркадьевич, новый сотрудник из ЛГУ на практику, – представил провожатый. Строгий Вениамин Аркадьевич жестом выпроводил его. Сесть не предложил.

– Какую кафедру заканчивали?

– Ядерной физики, я аспирант...

– Давно?

– Год назад...

– Ясно. Пойдете в НИИ-7, там по программе ММВХ поработайте. Направление в общежитие дадут, а потом на площадку, на площадку, милейший. Нам тут дармоеды и недочки не нужны, руками поработаете.

Ничего не поняв, Женька вышел из кабинета.

Через неделю он вновь трясся в поезде из Свердловска в Пермь. Прямо к своему Рубикону. С вокзала кое-как добрался до аэродрома. Самолет был с четырьмя крыльями и гордой надписью «Ан-2». Запах блевотины разнесся по его металлическому нутру сразу после взлета. Биплан падал в воздушные ямы с завидной регулярностью, но для двадцати пассажиров каждая следующая все равно была внове, и пассажиры «радовались» этим приключениям, не выпуская из рук бумажные мешочки. Женька крепился, сжав до судорог в пальцах край скамьи, на которой сидел.

Самолет опустился на поляну. Большинство пассажиров

вышло, жадно хватая ртами воздух, а Женька полетел дальше, «до конечной», как сказали летчики, сидящие вверху, в кабине, в которую на последнем перелете даже дверь не закрыли.

Женька смотрел в иллюминатор. Под ним проплывала тайга, изредка прорезаемая блестящими полосками или извилами рек. Самолет, казалось, плыл по темно-зеленому океану, от которого трудно было оторвать взгляд. Летчики что-то прокричали, указывая на правый борт. Женька пересел, прильнул к иллюминатору. Там, вдалеке, поднимались невысокие, но величественные горы, на некоторых поблескивал снег, одни были покрыты лесом, а другие – зелеными камнями, из-за них горы издалика казались похожими на лысины сказочных троллей. Ни городов, ни деревень, ни дорог видно внизу не было. Наконец самолет, рухнув вниз так, что желудок Женьки чуть не вылетел изо рта, мягко коснулся колесами травы и запрыгал по поляне, развернулся, успокоив нором, пыхнул двигателем и замер. Женька спустился на землю, осмотрелся вокруг – недалеко был виден сарай с надписью «Аэрофлот СССР. Чусовской». Туда он и пошел. Сарай был пуст, лишь несколько человек направлялись к самолету, который готовился в обратный путь. В единственной окошке с надписью «Касса» сидела тетка. Женька подошел и спросил:

– Извините, а как мне добраться до отдела Института приборостроения?

На что тетка неопределенно махнула рукой: мол, туда.

Женька вышел с другой стороны сарая-аэропорта и увидел деревянный город среди тайги, грузовики защитной окраски, бронетранспортеры, месившие грязь проездов между домами, высоченные антенны, красные флаги на зданиях, которые были больше остальных. Пройдя дальше, до колен извозившись в глине и не успев увернуться от гусеничного монстра, окатившего его водой из лужи, он увидел нужное здание.

– Вы из Института приборостроения? – спросил его усталый лысоватый человек в очках и потертом пиджаке. Женька кивнул.

– Ах, да-да, вот же ваши бумаги. Так вы не кадровый ядерщик, на время, по, так сказать, путевке... Ну-с, молодой человек, отправим вас в группу физизмерений к Александру Васильичу. Там работа тяжелая, кабеля разматывать, от машинок к датчикам бегать, как раз для молодых. Значит, пойдете по главной улице, вот по какой пришли от аэропорта, потом свернете направо, от речки там седьмое здание слева. Найдете Филатова, он вас устроит. Зарплата у нас по первым числам месяца, столовая по талонам, жить в общежитии, вы же неженатый?

– Нет.

– Ну вот и славно, ступайте.

Только Женька хотел выполнить пожелание лысого очкарика, как сзади раздался стук дверей и послышался до боли

знакомый голос:

– Петр Иванович, золотой человек, дай мне отгул на завтра! В город мне надо! Ты пойми, женщина ждать не будет, она упорхнет, как бабочка, и попадет в сачок к какому-нибудь дикому бухгалтеру типа тебя. Отпусти, родной, не губи!

– Опять ты, Геннадий! На прошлой неделе летал к какой-то вертихвостке, нынче куда? У тебя их вся Пермь, жизни не хватит, а я что Борису Ильичу скажу? Куда делся научный сотрудник, ведущий, практически специалист по подготовке эксперимента? К бабам в Пермь уехал? Нет, товарищ Геннадий, сидите на работе, у нас режимный объект, а не частная лавочка!

Женька обернулся на знакомый голос и обнаружил позади себя Генри, одетого в чистую штормовку, яловые сапоги – прямо геолог, черная аккуратная борода придавала еще больше схожести с этим образом.

– Генри!

– Жентос!

Друзья обнялись, Генри, выглядывая из-за плеча Женьки, сообщил лысому:

– Друг! Учились вместе в Ленинграде! Ты понимаешь, злобный старик? Так, никуда не лечу, к черту женщин на сегодня, но, Петр Иванович, мой дорогой тролль, дай талон в магазин на вино-водку! Видишь, какой повод!

– А ты, Гена, все свои уже пропил? В начале месяца отоваривали талонами.

– Эх, милый мой старикашка! Так уже конец месяца, а что мне, красавцу, в этой дыре делать, если баб нет, а в город раз в неделю, и то не каждую? Давай, не скули, выдай!

Петр Иванович, вздохнув, выудил из-под стола бумажку, подышал на печать, шлепнул, кинул на стол:

– Забирай, змей. И больше чтобы я тебя не видел до зарплаты!

– Йес, могучий кормчий! Пошли, Женька, я все тебе покажу и расскажу. Ты как вообще-то сюда попал?

Генри одной рукой схватил бумажку со стола, другой обнял Женьку и потащил его на улицу.

Вторую бутылку друзья допивали уже в сумерках, сидя на скамеечке у деревянного барака с табличкой «Общежитие».

– Не, Женька, теперь нам к Александру Васильевичу никак нельзя. Ты посмотри на себя, ты же в хлам. Женька!

– У?

– Ты зачем нажрался, как медведь? Сейчас в берлогу ляжешь?

Женька отрицательно помотал головой.

– А к нему, к Александру Васильевичу, – нельзя. Почему? Это такой человечисе, у-у! Начальник. Тебя к нему определили? А меня прямо на заряды...

– На какие заряды?

– Ты что, старик, не знаешь? Тут история вершится! Я вот хочу историю вершить. Я член партии! Мне положено. Женька, ты член партии?

– Не... Я комсомолец.

– Ну что ты, ну сколько можно в игрушки играть? Ну кому ты, комсомолец, нужен? КПСС – вот сила! Меня прежде и на симпозиумы не отправляли, только членов партии, понимаешь? А батя сказал: пока не вступишь и не покажешь себя в деле – ничего не добьешься, понимаешь? И вот я здесь, на великих свершениях! Только тут такая скука, баб нет. А что есть – ну это не-е-е... Ну, ты помнишь, как у нас на физфаке, не женщины, а... – Генри сделал конвульсивное движение ртом.

Женька кивнул. Закусил огурцом. Отпил из трехлитровой банки невкусного магазинного рассола.

– А в деревне вообще одни чудища! Или старые, или толстые, или беззубые. Ну некуда взор кинуть. Вот и езжу в Пермь, там есть очень даже ничего. Мы тогда не остались, помнишь, когда в поход за золотом ездили? А зря. В Перми есть симпатичные тетки.

– Так чем тут занимаются-то, Генри?

– Тс-с! Военная тайна! Завтра к полковнику Иванову сходишь, он тебе все расскажет, покажет и объяснит, а сейчас спать, Жентос, спать...

Наутро Генри довел Женьку до военной части с однообразными зелеными заборами и зелеными зданиями. Внутри, как и должно быть, тоже все переливалось защитной окраской. За зеленой деревянной дверью с красной табличкой «Командир части» сидел офицер с красными, как и его ли-

цо, петлицами.

– Кто такой? Документы! – потребовал офицер.

Женька подал бумаги. Офицер долго изучал их, после произнес:

– Так. У тебя служба измерений. Твой допуск вот от этого КПП до вот того КПП. На объект только с конвоем или при сопровождении с допуском, – офицер подвигал пальцами по какой-то схеме, для Женьки непонятной. – Подпиши.

Женька подписал бумажку, получил в обмен другую – на ней было написано «Пропуск» – и вышел. Генри уже ждал его.

– Идем к Филатову.

Из зеленого царства они переместились в свежеструганое, дощатое, некрашеное, пахнущее смолой и стружкой. Домик был новый, на нем краской было обозначено «Группа физизмерений».

Начальник группы Александр Васильевич Филатов устало посмотрел на вошедших. Одного он не знал, второй – известный раздолбай из группы подготовки. Турнуть бы его с объекта – так нет, сам руководитель проекта академик Забабахин за него просил. Вроде родственники в ЦК, что ли. Александр Васильевич вздохнул. Судьба у него такая – быть всегда на вторых ролях: кто-то премии, награды получает, а кто-то работает. Вот этот балбес подрастет, пойдет по служебной лестнице вверх, квартиру получит в Москве, «Волгу» по госцене, заграничные командировки... А он тут, в лесу,

в болоте сиди, корми комаров. И квартира только в Челябинске-семьдесят, и то пока жив. Там же и земли будет бесплатно две сажени. И медаль на юбилей. А ну все к черту!

Александр Васильевич посмотрел на незнакомого молодого человека.

– Вы ко мне?

– Да, меня направили к вам, вот пропуск и бумаги.

– А, новый сотрудник из ЛГУ. Говорили. Ну что же, введу вас в курс дела, садитесь. А вы, Геннадий... не помню отчества?..

– А я пойду, у меня смена скоро. – Генри исчез за дверями.

– Ну-с, вот так, молодой человек, у нас тут ядерные взрывы готовятся. Быстрыми темпами.

– Какие взрывы?

– Ядерные.

– Это как?

– Очень просто. Как говорил Ричард Фейнман, берете в две руки по куску урана, соединяете их и – ба-бах, как бы сказал наш уважаемый академик Забабахин. Вы читали Фейнмановские лекции?

– Нет.

– Зря, прекрасный учебник. Так вот, здесь наш НИИ готовит площадку для серии подземных ядерных взрывов в мирных целях.

– А в каких именно?

– Молодой человек, вы задаете много вопросов. Это в кор-

не неверно. В нашей замечательной стране лучше просто делать то, что говорят. Вот я вам буду говорить, а вы делать. С завтрашнего дня будете коммутировать провода датчиков, устанавливаемых в скважинах и рядом с ними, с измерительной аппаратурой. Аппаратура находится в автомобилях. Скважины – вон в том направлении, отсюда километров двадцать. До площадки ходит тепловоз по узкоколейке, уходит в шесть утра, не успеете – пойдете пешком. Машины физизмерений стоят на другом берегу озера. Вот к ним и ведите провода. Ясно?

– Но это же работа для идиотов, а я физик!

– Молодой человек, не всякий идиот имеет доступ к секретным разработкам. Хотя, если считаете, что работа вам не по силам, пишите заявление.

Женька подумал. Писать заявление было равносильно уходу с кафедры, и тогда плакала его диссертация, а значит, прощай мечты о науке, здравствуй, школа. А быть учителем в каком-нибудь захолустном городишке ему совсем не хотелось. Он кивнул головой.

– Ну, вот и хорошо. Завтра приступим. Жду вас на площадке.

Проводов было много, путь до машин – длинный, и Женька провозился с нудной работой все лето, осень и зиму. А зима была суровая, хорошо, что к самым морозам все кабели были заведены в теплые кунги армейских грузовиков, и он уже просто соединял их с измерительными блоками. Генри

все чаще пропадал в Перми, благо самолеты летали почти каждый день, за что бывал лишен премии и талонов на питание, но не унывал. Талоны на питание стрелял у Женьки, кормя его рассказами о любвеобильных студентках местного мединститута, а премию презирал как явление, соря деньгами в ресторане. Женька видел это, когда пару раз летал с ним в Пермь на выходные. Премия составляла от десятки до двадцати рублей и для Женьки была значительна, оклад у него был всего сто, правда, обещали начислить еще за полевые, но обещаниям он не верил.

Однажды, уже когда снег покрыл болота и сосны, стоявшие на возвышенности у площадки, а на речке и озере встал лед, Женька вышел покататься на лыжах по окрестностям. Дошел до школы, встал на пробитую школярами лыжню и покатил под белыми отблесками луны и звезд. Вечер был морозный, снег скрипел, на елках блестели пелеринки снежинок. Лыжня вела чуть в гору, потом вниз, заворачивала за научный городок-деревеньку, петляла по полям и возвращалась к школе. Запыхавшись при подъеме, ведущем к школе, Женька случайно врезался в одинокую темную фигурку. Та ойкнула и упала. Женька начал извиняться, снимая лыжи, помог подняться деревенской бабище, которая чего-то застряла тут, посреди улицы. А из-под пухового платка вдруг глянули веселые серые глаза совсем не деревенского существа. Платок сполз на плечи, из-под него появилась хорошенькая девичья головка.

– Ой, да ничего, это я, ворона, тут встала, на звезды за-
смотрелась. Вы из научного городка?

– Да. – Женька залюбовался профилем девушки. – А я вас
не знаю, не видел. Вы тоже физик?

– Нет, я местная.

«Да какая местная, что я, местных не видел? Тут таких
точно нет, хоть Генри и любит приврать, но по поводу мест-
ных дам он прав». Женька недоверчиво покачал головой.

– Я в городе училась, в педи, потом по распределению по-
пала в другую деревню. Пока упростила облоно меня домой
отправить – время прошло, вот, сейчас приехала. Первокла-
шек учу.

«Потому еще и не попала в цепкие лапы Генри», – поду-
мал Женька и почему-то обрадовался этому факту.

– Вы тут осторожно катайтесь, у нас волков зимой види-
мо-невидимо. От деревни далеко в лес не уходите, – девушка
придвинулась ближе, и Женька разглядел жемчужные зубки
и морозный румянец на щеках.

– Да я тут, по лыжне.

«Как она красива».

– Завтра в клубе кино, давайте вместе сходим?

Девушка кивнула, тихо сказав:

– Рита.

– Евгений. Завтра в школу зайти?

– Да, у меня вторая смена, заходите, я подожду.

И они разбежались так же внезапно, как и столкнулись,

с искоркой в сердцах, которая вспыхнула то ли от столкновения, то ли от недостатка тепла в декабрьской ночи, и никто этого не видел, кроме бородатого старика, который стоял на краю лесной возвышенности и сверху смотрел на поселок, возникший по желанию людей среди тайги, на мужчину и женщину, встретившихся в тусклом свете фонаря. А подле ног старика сидел громадный седой волк.

Женька сидел в кунге, грелся и ждал Александра Васильевича. День был морозный, январский, солнце едва проглядывало из-за низких туч. Практика эта Женьке уже изрядно поднадоела, тем более, что появилась Рита.

Генри, увидев Риту, поначалу хлопал глазами и отпускал скабрёзные шутки, но затем, шепнув Женьке: «Если бы не ты, я б за ней ухлестнул», – оставил свои слабые притязания. Нынче он все пропадал у скважин на площадке. Проект подходил к своей кульминации, ждали тягачи с новыми зарядами, на складах посреди тайги лежали горы графита и мешки цемента. Генри работал в группе подготовки, ему, как доверенному лицу руководителя проекта, поручили проверку скважин и, возможно, установку изделий. Под начало Генри отдали целую роту солдат стройбата, которые копали, рубили, носили. У Женьки солдат не было. Вернее, солдаты были, но на постах у площадки, все время требовали пропуск. А потом пропускали, но в сопровождении часового с автоматом, от которого разило сивухой.

Вот сегодня Александр Васильевич решил прогнать все

датчики. В соседнем кунге уже были готовы радиоактивные материалы в свинцовых контейнерах, кувалда и передатчики помех. Наконец Женька дождался: в машину ввалились исходящие морозным паром люди – сам Александр Васильевич, пара спецов-сейсмологов и радиометрист.

– Ну, молодой человек, что тут у вас? – ласково спросил руководитель группы физизмерений.

– Все готово.

– Вот сейчас и проверим, что готово, а то скоро эксперимент, приедет сам Борис Ильич, шеф проекта, в грязь лицом ударить нельзя. Первое – сейсмограммы. Евгений, вы с Павлом идите на тот берег, кувалду в руки, проверим датчики.

Они прошли три километра на лыжах по метели, у поста обнаружили расчищенное место.

– Тут будем. Первые датчики в ста метрах. Давай, Женя, долби землю-матушку, – весело хлопнул его по плечу сейсмолог.

Женька долбил. Пот катился градом, под полушубком все взмокло.

– Вроде хватит, пошли обратно.

Обратно три километра. А там опять Филатов. Ну что он издевается, можно же сразу!

– Так-с, вроде в порядке сейсмограф. Теперь датчики Гейгера. Евгений! Берите пушки с излучающим материалом и туда, пропуск не забудьте! Датчики сами ставили? Вот установите рядом пушки.

Женька прошел еще пять километров на лыжах. Датчики присыпало снегом. Пока разгребал, пока расставлял пушки – свинцовые цилиндрики с дырочками, внутри которых находились колбы с радиоактивным материалом, – стемнело. Когда доплелся до кунга, там все пили чай.

– Молодец, Евгений! Все датчики работают, трещат, родимые. Давайте-ка, скидывайте шубу, да чайком побалуемся.

Женька с удовольствием взял горячую эмалированную кружку, потянул губами чай. Один из сейсмологов вытащил бутылку, вопросительно глянул на Филатова. Тот махнул рукой: разливай. Выпили, пошли разговоры.

– Вот скажите, ядерные устройства – это добро или зло? – вопрошал радиометрист, особо некрепкий на алкоголь.

– Ну конечно добро, неоспоримая помощь народному хозяйству страны, – отвечал еще практически трезвый сейсмолог.

– А ведь все мы работаем в секретном НИИ, а НИИ это в первую очередь делает все для армии, а стало быть, для убийства! – не унимался радиометрист.

– Убийцы не мы, а американцы, они напасть хотят, мы лишь сдерживаем их напор, в том числе и атомными ракетами. А мы – вот сейчас, конкретно – помогаем стране, обеспечиваем водой засушливые регионы.

– Чего делаем? – не поверил собственным ушам Женька.

– Реки поворачиваем!

– Александр Васильевич, это правда?

– Вроде да, Печору в Волгу запустить хотят. Тут до нее недалеко, канал сделаем, и потечет... наверное.

– Но это же смешно!

– Что же смешного? При имеющихся у человечества знаниях и ресурсах сейчас многое возможно. Мы теперь как боги.

– Да не может человек быть богом. Потому что он не может постичь сущность бытия, природы, Вселенной! – Женька выпалил это и пожалел, мысли свои он старался держать при себе, да и тут не по рангу выступил. Еще подумают, что он в Бога верит, а он не верит после расставания с Катей. Просто таковы его выводы.

Александр Васильевич удивленно посмотрел на молодого сотрудника, который только что пробежал на лыжах километров пятнадцать. Может, перепил или перебегал?

– Молодой человек, вы семинарию заканчивали или физфак? Вы находитесь на острие науки, человеческих знаний, вы видите, что физика шагает вперед семимильными шагами. Еще пятьдесят лет назад мы жгли уголь в печах, а сейчас расщепили атом и подчинили его себе. Даже космос уже не представляет для нас что-то недостижимое.

– А как появилась Вселенная? – допустил еще одну ошибку Женька.

– Ну-с, это смешно! Экстраполяция гравитационной теории Эйнштейна дает нам представление о рождении Вселен-

ной из бесконечно плотного и горячего тела. Потом бах – взрыв. Насколько я помню, даже в постановлении Академии наук, одобренном Центральным Комитетом, теория Большого взрыва принята за основную. Вы должны это знать, вы физик!

Тут Женьку понесло. Сейсмологи сидели тихо, а радиометрист давно лежал на стуле, погрузившись в свою собственную Вселенную пьяного сна.

– Александр Васильевич, а как же тогда утверждение Хокинга о том, что ваша вышеназванная сингулярность не подчиняется законам физики? Как быть с бесконечной плотностью и энтропией? Вы хотите сказать, что при максимальной энтропии у вас будет максимальная температура?

– Ну... А кто такой Хокинг? Я его не знаю.

Женька осекся. Читать запрещенную литературу было нехорошо, а проклятого Хокинга с его нелинейными взглядами на космологические проблемы подsunул ему Генри в ответ на просьбу достать что-нибудь по теме его будущей диссертации.

– Ну, это такой физик... Дело не в том, Александр Васильич, вы просто сформулируйте принцип Гейзенберга, например.

– А что тут формулировать, это мой хлеб, извольте: произведение неопределенностей координаты и импульса больше или равно половине постоянной Планка. И что? Это вы у меня экзамен принимаете? Славно, однако.

– Нет, вы только что сами сказали, что не можете определить параметры частицы. Стало быть, вы не можете все знать. Значит, человек не Бог. Вы не можете понять, какова была материя в состоянии сингулярности перед Большим взрывом, – стало быть, вы не знаете, кто поднес спичку. Мы не можем управлять природой. Смешно поворачивать реки, если неизвестен результат. У нас тут есть специалисты по повороту рек?

Александр Васильевич нахмурился, сейсмологи приканчивали бутылку, запивая водку остывшим чаем.

– Знаете что, молодой человек, этак мы можем дойти и до того, что вера в коммунизм – это ошибочно, а путь в развитой социализм не приведет нас к цели. Остыньте. Сбегайте к датчикам, соберите пушки. Может, что-нибудь более конструктивное в голову придет, чем богоискательство посредством физики.

Женька вздохнул, выругал себя за длинный язык, поклялся больше не пить при начальстве, надел полушубок и вышел из кунга. Ночь была темная, сквозь тучи не просвечивали ни звезды, ни луна, лыжню частично замело, пришлось ее нащупывать, шел медленно. Пока снимал датчики, почувствовал сзади какое-то движение, повернул голову. Под грибком спал часовой, освещенный тусклым фонарем. Никого не было. Женька поднял тяжелый мешок со свинцом, повернул в обратный путь и встал как вкопанный, сердце прыгнуло в груди и свалилось куда-то в низ живота. Перед ним на лыж-

не стоял огромный волк и скалил зубы. Женька попятился, пытаясь понять, что делать, и прикидывая, докричится ли он до часового с автоматом, успеет ли отскочить от клыков, каждый из которых был, казалось, размером с его палец. Не успеть. Но тут из-за сосны вышел человек на лыжах, с боро-дищей, потрепал волка за шкуру:

– Ну чего ты, не балуй. Пусти его, мирный же. Напугал мальчика. Иди.

Волк медленно отступил в темноту и исчез. Старик посмотрел на Женьку:

– И ты иди. Не знаю, чего он на тебя глаз положил. Так-то тут по ночам зимой не ходят. Мало ли что, лось собьет или шатун какой. Да и волки стаей рыщут, сейчас ушли из-за шума-гама, а так – здесь они, ждут. Иди с Богом, парень!

И старик так же, как волк, исчез в таежной метели.

На следующий день Женька, как стало уже заведено, если не было вечерних работ или дежурства, ждал Риту у школы. Метель прекратилась, ветер стих, стало даже тепло так, как бывает зимой в тихие вечера, когда снег скрипит под ногами. Рита выбежала из школы, проводив последнего маленького ученика, одетого в валенки и старый треух – еще, видать, де-дов. Ученик умчался вниз к речке, а Рита подошла к Женьке.

– Привет. Хороший сегодня вечер. Ты вчера работал?

Женька кивнул. Когда Рита говорила с ним, у него засты-вали мысли в голове и слова во рту, поэтому он предпочитал молчать. Но Риту это не смущало. Видимо, детство в глухой

деревне приучило ее к молчанию. Лес молчит обычно.

– Так, Женя, сегодня идем ко мне пить чай. Мама напекла пирожков, поешь хоть нормально, а не в этой вашей столовке. Пирожки с лосятиной!

– Откуда лось? – удивленно спросил Женька.

– Из лесу, вестимо. Дед приходил, принес.

– Какой дед? Я не знал, что у тебя дед жив.

– Не мой дед. Местный дед. Вроде как достопримечательность озера Чусовского. – Рита рассмеялась, увлекая Женьку в темень деревенских улиц, которые зимой были ровными и чистыми. В научном поселке дороги были разбиты и зимой, по ним постоянно гоняли лихие водители на гусеничных вездеходах и армейских «Уралах».

Женька охотно пошел, пироги с лосятиной он никогда не пробовал, да и талоны в столовку закончились, Генри потратил все и уехал в Пермь. «Вот человек: все ему равно – у меня жрать нечего, а он по бабам. Хоть бы денег оставил», – с улыбкой вспомнил Женька друга. Он не обижался на Генри, потому что тот все равно привезет из города что-нибудь интересное, вкусное и с градусом из спецзаказов обкома, где его регулярно отоваривал друг отца. Будет повод удивить Риту, а она удивлялась всему так искренне и непосредственно, что у Женьки душа замирала от нежности.

– Заходите, заходите, – кудахтала Ритина мать, толчась у печки, – да дверь скорей прикройте, холод пускаете!

По всей избе в три комнаты, если считать кухню, распро-

странялся ароматный запах жареного лука, мясного бульона и свежей стряпни. Даже голова кружилась с мороза от такого. Женька снял валенки, сбросил полушубок, вошел в горницу. В углу под темным ликом висела лампадка, но не была зажжена.

– Садитесь, все поспело ко времени. Женя, ну чо ты встал, как столб, вот пироги ешь, морс, молока нет, в магазин не завезли, а корову держать некогда. Хлеба тоже нет, пекарня не работает давно, а с вашей не дают. У вас там солдаты стоят на воротах – ни войти, ни выйти.

– У нас и не купить просто так, только по талонам, я в следующий раз принесу вам, – успокоил Женька маму Риты.

– Да и не надоть, вона, ешь пироги, дедка мяса приташшыл. Приташшыл, соли взял и опять убег к себе в тайгу. Слава богу, живой пока. – Женщина перекрестилась в сторону лика.

На столе лежала в мешочек перевязанная тряпочка.

– Мама, опять дед принес свои монетки? Ты что ему продала?

– Да соль, крупу, пирогов первых дала, пока сидел, из погребца припасы охотничьи отца твоего достала: как сбег от нас, все пооставлял. Я не брала, дак он же настырный, сует – и все.

– Что за монетки? – спросил Женька.

– Да вон, посмотри, Женя, дед совсем одичал, ташшыл их, а они уже не в ходу у нас. Говорю ему, говорю – ничо не

слушат, ополоумел, поди уж.

Женька развязал тряпицу, из нее выкатились белые кругляши. Рассмотрел поближе – полтинники серебряные, аж двадцать четвертого года чеканки.

– Раритет. Откуда у вашего деда такие?

– Так вона у нас их сколько. Как ни придет – все покупат за них, ничо не слушат.

– Правда, Женья, у нас их уже полведра. И у других в деревне тоже есть, – вступила в разговор Рита, – вот видишь, ведро стоит в сенях? Посмотри.

Женька вышел в сени, поднял ведро. Килограмма три, не меньше.

– Так их, наверное, сдать можно, в банк или ювелирам.

– Ну где у нас тут банк! А в город ехать за тридевять земель из-за этих монеток – да ну их к лешему, пушай лежат.

– А у нас скоро эксперимент начнется. Уже руководитель приезжает из Москвы. Проверка столичная тоже должна приехать. Вы, как вас предупредят, во двор не выходите, сидите дома. Посуду уберите всю вниз, тряхануть должно сильно. И ничего не бойтесь. Ты, Рита, детям тоже скажи, чтобы родителям передали, а то у нас же как: объявят по громкоговорителю – и все. А если кто не услышит? – сказал Женька.

Женщины ахнули, заволновались: мол, какой такой эксперимент, что тряханет? Но Женька только приложил палец к губам:

– Государственная тайна.

Потом они долго целовались с Ритой в сенях, не в силах оторваться друг от друга, пока мать не постучала ведрами: мол, выйду сейчас.

– Ну всё, всё, скоро всё будет, любимый, скоро мы распишемся. Пока нельзя, мама не разрешает, – скороговоркой шептала Рита, отрывая от себя распаленного Женьку. Тот нехотя отстранялся и медленно пятился.

– До завтра, милый, завтра еще один день, а потом останется всего ничего, весна, свадьба. Помнишь, на какое число мы записались в ЗАГС?

Как это он мог не помнить? Только до этого числа еще два месяца, в ЗАГСе ближайшего от них Ныроба раньше чем через четыре месяца не расписывали.

В марте потеплело. Днем, когда светило солнышко, можно было даже загорать, самое время на щуку идти, да не выходило. Работы по подготовке эксперимента шли к завершению. Охрану усилили, стройбат перебазировали из казарм к площадке, в палатки, атмосфера была нервная, напряженная. «Аннушки» летали все чаще, привозя нужные материалы. По зимникам, расчищаемым бульдозерами, шли тяжело груженные «Уралы» со стороны Чердыни. Генри, а тут для всех Геннадий Николаевич, научный сотрудник головного Института приборостроения, нервничал, все чаще доставая из-за пазухи стильную фляжку импортного производства. Коньяк обжигал горло, а потом разливался теплом по

телу.

Вот уже две недели, как отгулы запретили, постоянно гоняли на площадку, которая стояла на возвышенности среди болота, расчищенная от деревьев, как лысина великана, дуло на ней – дай боже. Летчики, несмотря на предлагаемый виски, которого они никогда не видали, отказывались брать Геннадия Николаевича на борт, ссылались на приказ особого отдела проекта. КГБ – это было серьезно, и Генри уже не пытался проникнуть на борт Ан-2. Но страдать от нехватки женской ласки не переставал.

«Эх, Жентос, хорошо устроился, тут ему и работа, и баба под боком. Где и разглядел ее? Ведь одни страшили в деревнях», – размышлял Генри, смакуя очередную порцию армянского. Солдаты таскали тачки с графитом к основаниям широких труб, торчащих из земли. Скоро подвезут заряды.

Заряды подвезли на следующий день, опускали медленно, под присмотром конструкторов из Челябинска-семьдесят. Длинное черное тело заряда, похожее на торпеду, крапом на тросе опускали в скважину, медленно стравливая толстый пучок проводов управления и диагностики. Солдаты глазели издалека, на эти работы у них не было допуска.

«Ну, когда всё закончится, рванем их – и свободны, в Пермь, там Таня, Эльвира... И что они так долго? По сантиметру опускают...» – Генри не любил тщательности, поэтому и жизнь его была бесшабашна и легка, быстра и бездумна. Он забывал женщин так же легко, как и всё, что учил

пять лет в университете. «Да к чему забивать мозг?» – иногда размышлял он, добавляя в защиту своей позиции слышанную где-то сентенцию: «Мудрость порождает скорбь». У него была одна цель – заграница. Выезд за границу был доступен только дипломатам, артистам и ученым. Туристы не в счет. Ни первым, ни вторыми Генри стать не смог, а вот до ученого почти дотянул, хотя бы до референта или старшего научного сотрудника, которые уже могли ездить на конференции и симпозиумы. Отец обещал устроить его в один из центральных НИИ, а для этого надо было показать себя в глухом уральском лесу, да еще и провести тут два года подряд. Но было за что бороться. Геннадий мечтательно закрыл глаза, думая о красотах Парижа, ласковом шепоте Средиземного моря и полуобнаженных красотках, похожих на Клаудиу Кардинале.

Через неделю все четыре заряда покоились на глубине в скважинах, и Генри приступил к своим непосредственным обязанностям. Он должен был проверить кабели и засыпать скважины графитом, а потом залить бетоном. Но зачем человеку обаяние и интеллект? Явно не для того, чтобы тупо растратить их на бессмысленную работу. Во-первых, утром в день начала работ он вызвал командира роты стройбата, усталого усатого капитана, опустившегося в тайге до сивухи и лука, и выдал ему пол-литра грузинского КВ. Капитан от вида коньяка потерял дар речи и согласился на всё, а именно – внимательно проследить за засыпкой скважин,

а не валяться пьяным у большой сосны, стоящей неподалеку от площадки, где в снегу у корней капитан прятал заначку самогона. Во-вторых, он вызвал друга Женьку, снабдил его пропуском на площадку и сладким голоском, давая на умственные Женькины способности, ссылаясь на боли в спине и общее недомогание, попросил того проконтролировать коммутацию кабелей, так как Женька все равно отвечает за половину проводки от границ площадки до контрольной точки в машинах – так и со второй половиной никто лучше его не разберется. Это предложение Генри подкрепил бусами из искусственного янтаря, что продавались в ювелирном в Перми, хит сезона. Женька загорелся, как папуас, глядя на украшение, которое он может преподнести своей Рите, а Генри только ухмыльнулся. Аборигены еще со времен Колумба падки на дешевые стекляшки, парой таких бус он завоевал расположение пермских девушек, имен которых уже не помнил.

Итак, великий ум комбинатора Геннадия решил все, кроме того, как же выбраться с Чусовского. Тут решения пока не находилось. Поэтому от скуки Генри навевался на площадку, осматривая работу, сделанную руками соблазненных им людей. Капитан стойко держался, двигал усами и отдавал вменяемые команды, скважины исправно засыпались нужным материалом, ну а Женька даже и не думал сачковать, бегал с тестером, проверяя каждое соединение, даже если его уже проверили другие ответственные за это сотрудники.

Генри нервничал, что выехать никак не удастся, но терпеливо ждал случая, он знал, что деньги идут к деньгам, а удача – к удачливым людям, к коим себя и причислял. И не ошибся: начальника особого отдела куда-то срочно вызвали, а летчику – не жить не быть, надо было на день рождения жены организовать стол с деликатесами в ресторане. Генри пообещал ему всё – и был тайно вывезен в Соликамск, откуда уже на рейсовом улетел в Пермь. Буквально денька на три, потом он должен был непременно вернуться, ибо прилетала комиссия, и уже никто не мог до окончания эксперимента выбраться с площадки.

* * *

Сержант срочной службы Иван Денисов был уже «дедушкой», до приказа оставалось, по его подсчетам, пятьдесят четыре дня. В счастливое время он родился, думал сержант. Если бы на пяток лет пораньше – тянуть бы ему лямку три долгих года, а так – только два. По медицинским показателям попал Иван в стройбат, поначалу огорчился, а потом понял, что зря, самое место ему в стройбате. Лопатой он дрался получше остальных, так что отбивался от старослужащих удачно, а ночами мог не спать, потому как привык спать днем, сидя в седле, выпасая табун, ночью же табун надо было беречь от волков, на Алтае волков много. Вот и спал сержант Денисов везде стоя или сидя, и никто этого не за-

мечал. По второму году стало полегче, а уж как «дедушкой» стал – вообще лафа. Не повезло только в одном: отправили их часть в Тьмутаракань, в палатки, строить какую-то непонятную вещь. Деревья вырубать, пни корчевать; скважины какие-то громадные набурили, как колодцы, сараи построили, колючкой всё опутали. «Государственная тайна», – говорил на разводе ротный, важно поднимая палец. Ну, тайна так тайна, ему-то что, сержанту. Ему дожить бы до приказа, выпить, закусить да домой, на Алтай, в свое село, к ожидающей его девахе Алене. Сержант замечтался, вспомнив Аленины буфера, начал насвистывать популярную песенку «Не плачь, девчонка». Бром в компоте к концу службы перестал оказывать нужное действие на молодой здоровый организм. Сержант зевнул, оглянулся по сторонам. «Духи» таскали тачки, высыпая их в последнюю не заполненную веществами скважину. Сегодня только начали ее засыпать, три другие уже стояли запечатанные многотонными бетонными пробками и накрытые толстыми стальными крышками, из-под которых струились толстые змеи кабелей. Комвзводов было не видно: то ли слиняли по бабам в деревню, что вряд ли – далековато, то ли ушли на речку, к деревеньке Васюки, там в избе жила еще не выселенная строптивая бабка-самогонщица, угощавшая все воинство своим продуктом в обмен на сахар и хлеб. Капитан, ротный, мирно посапывал на своем лежаке под навесом у большой разлапистой сосны.

Сержант вздохнул. Хотелось выпить и полапать бабу, да

до казарм, до поселка еще долго не выпустят, пока не засыпят эту дурную дыру. Он тихонько подошел к ротному, засунул руку в отверстие у корней сосны, выудил оттуда трехлитровку, на дне которой плескалось немного жидкости. Побулькал ею, вздохнул, выпил. Ротный употребил почти всё. Сержант хмуро посмотрел на медленно тянущихся «духов», подошел к ним, выдал пару подзатыльников.

– Быстрее работайте, так к концу недели только закончим. Чего стоите? Шевелитесь, уроды!

Но уроды шевелиться не желали, удрученные многодневным тяжелым трудом и однообразным питанием в походных условиях. Тогда в светлую голову сержанта пришла замечательная мысль, которую он, как настоящий военный, сразу отлил в слова:

– Так, «духи», слушай мою команду. Тачки бросай, марш к бревнам, по трое на бревно, тащите сюда и кидайте в дыру. Тока так, штоб плотненько, ясно?

«Духи» кивнули, и вскоре работа зашпорилась. А к концу дня бревна торчали из скважины.

– Не, так не пойдет, – с недовольством сказал сержант-рационализатор, – вынимайте верхние и бетон туды!

Через час сержант Иван Денисов, растолкав ротного, командным голосом бойко докладывал:

– Тварсч капитан, работы закончены, бетон залит, крышка навинчена. Разрешите отбыть в расположение?

Капитан похлопал ничего не понимающими глазами, по-

шевелил усами, кивнул. Поднялся, осмотрел скважины. Все были закрыты, из-под крышек виднелся подтекший бетон. Вроде все в порядке.

– Ро-ота! Становись! Повзводно! Где вы шляетесь, едри вас раскудри! – Лейтенанты бежали к строю с раскрасневшимися от самогона лицами. – Становись! Повзводно, левое плечо вперед, в расположение, бегом, марш!

Рота, тяжело стуча сапогами по замерзшему песку, двинулась в сторону поселка Чусовского.

* * *

Генри прилетел за неделю до часа «Ч» – до подрыва. Успел. После него на аэродроме приземлилась комиссия и сотрудники КГБ, прилетевшие из Перми на вертолете. Последняя неделя проскочила в постоянных проверках и отчетах, и Генри был рад, что смог выбраться к девушкам, коих за три дня он соблазнил трех, хотя на примете были всего две миленькие студентки мединститута. Но тут еще тот летчик, которому он организовал стол в ресторане, позвал к себе на праздник, а там какая-то пьяная Элла так зажигала на столе, что порвала платье, села плакать в туалете, и Генри ничего не оставалось, как утешить ее всем, чем мог.

Руководитель проекта зашел в бункер наблюдения неожиданно. Военные резко встали, отдавая честь, гражданские с подобострастием подавали руку. Но Борис Ильич был лю-

безен со всеми, улыбался знакомым лицам, незнакомым кивал. Главный конструктор был не напряжен, даже шутил.

– А, Геннадий Николаевич, очень приятно, говорил с вашим отцом, он интересовался ходом эксперимента, спрашивал про вас. Как идет эксперимент? Графита засыпали нужное количество? Бетон прислали надлежащего качества, с зимними присадками? – Борис Ильич был в курсе всех дел. Генри сглотнул, но, бывая не раз в щекотливых ситуациях и научившись лихо врать, уверенно кивнул головой:

– Все по документации, товарищ главный конструктор.

– Ну и ладненько. Нынче нам ударные волны регистрировать ни к чему, так что ваша работа важна, продукты распада не должны выйти на поверхность. Все-таки не подземное хранилище создаем, а канал, в нем должна водиться рыбка, и по нему должны ходить корабли, а если корабли с рыбкой будут светиться, то что на это скажет мировое сообщество? Ничего хорошего. Так-с, что у нас с дозиметристами, товарищи?

Пока военные дозиметристы докладывали о готовности машин радиационной разведки, Генри испытывал муки совести. Две последние скважины он не проверил, но помятый с похмелья капитан доложил, что все в порядке. «К черту! – подумал Генри, гоня от себя липкий страх. – Не первый раз взрывают, ничего страшного не случится». Женьку он не видел, тот безвылазно сидел в «Уралах» группы физизмерений.

– Начнем, товарищи, – спокойный голос главного кон-

структора вывел Генри из раздумий.

Все насторожились, пошел отсчет. На последних цифрах земля чуть завибрировала от взрепевших снаружи вездеходов радиационной разведки и группы фото-кинофиксации. На цифре «0» пол бункера вздрогнул и заплясал, Генри даже схватился за стену.

– Отлично сработало, товарищи. Поздравляю, – Борис Ильич снова пожал руки улыбающимся сотрудникам, указал пальцем на смотровую щель, – а вот и визуальный эффект.

Над возвышенностью площадки, где разместили ядерные заряды в скважинах, поднималось облако пыли и снега, похожее на бледную поганку.

– Три Хиросимы рвануло, – произнес кто-то, а Генри стоял, замороженный невиданным зрелищем – ядерным взрывом.

Женька следил за показаниями дозиметрии, сейсмологи глядели на свои сейсмографы, и никто не ожидал, что так потряхнет. Отсчет по рации слышали только в головной машине, где находился руководитель, товарищ Филатов. От неожиданности Женька упал с табурета, а сейсмологи поперхнулись водкой из фляжки. Несмотря на запреты, все выбежали наружу. Над озером поднимался столб пыли высотой с небоскреб, как показалось Женьке. Дозиметр молчал. Стало видно, как со стороны поселка по озеру к площадке понеслись, вздымая снег, вездеходы.

– Здорово рвануло. Пошли, выпьем, все удачно, – хлопнул

пожилой сейсмолог Женьку по плечу. Зашли в кунг, разлили, и тут запыкал дозиметр.

– Вроде не должно быть выброса...

Но прибор показывал рост радиации на расстоянии ста метров от эпицентра. Женька выбежал, рванул дверь кунга, где сидел Филатов.

– Александр Васильевич, дозиметр...

– Сколько?

– Пока сто микрорентген в час, но растет.

– Плохо. – Филатов снял трубку полевого телефона и доложил. Выслушал, повесил трубку.

– Что-то пошло не так. В эпицентре уже почти миллирентген. Так, все по местам, и костюмы наденьте.

Народ полез в шкафы за химзащитой, других костюмов не было. Пока сидели по машинам, ожидая отбоя, сейсмолог, попивая ради профилактики лучевой болезни горячительное, неожиданно пробормотал:

– А что это у нас на бумажке нарисовано? Женя, глянь, я чего-то не разгляжу, глаза уже не те, пора очки заказывать.

– Что глянуть?

– Ну, посмотри, тут сколько максимумов?

– Так один, потом затухание.

– Нет, Женя, тут должно быть четыре, смотри, вот один, вот второй, вот третий... И все.

– Ну и что?

– Дело в том, что коммутация подрывов идет с разни-

цей в доли секунды, но этот сейсмограф фиксирует даже эти мельчайшие отклонения. Конечно, только при определенном опыте можно разглядеть. Тебе не видно, а вот я иголкой покажу, и ты увидишь. Видишь максимумы?

Женька присмотрелся. Да, почти незаметно, но риски на графике троились.

– И что это значит?

– Женья, ты что? – с удивлением спросил сейсмолог, отхлебывая водку. – Максимумов три, а зарядов было четыре...

Женька медленно выпил свою стопку, осознавая сказанное.

– Кроме того, смотри второй прибор, – махнул сейсмолог рукой на громадный металлический ящик с горящими красными цифрами, – видишь, показания амплитуды колебаний максимальные до того, как датчик вышел из строя? Они до шестидесяти килотонн в эквиваленте не дотягивают. Максимум сорок пять, что и подтверждает... – Сейсмолог опять разлил из фляжки, употребил, закусил луком.

– Что подтверждает?

– Что один заряд не сработал.

– Как? Какой?

– Ну я откуда знаю какой, это приборы не фиксируют. Это на месте надо разбираться, хотя после такого «бум» там уж ничего не разобрать. У меня был такой случай, года три назад, на Новой Земле на полигоне боевые заряды испытывали, так один не сработал. Правда, там и так понятно было:

заряды под пятьдесят килотонн каждый. Мы рванули – и на вертушке в распоряжение, водку пьем, а тут – особый отдел, захомутали, но объяснительные взяли и отпустили. Потом уж пояснили, что одна «закладуха» не бумкнула.

– Что с ней делали?

– А черт его знает...

– Надо занести всё в журнал, доложить руководству.

– Нет, Женя, у нас есть начальник, это его дело – докладывать.

– Я пойду к нему, – Женька выбежал из кунга и сразу напнулся на Александра Васильевича. Сообщил ему открытия сейсмолога. Филатов посмотрел, кивнул, зашел в кунг, забрал ленту сейсмографа и журнал фиксации показаний.

– Сейчас выезжаем на дезактивацию, завтра собрание по результатам эксперимента. Отдыхайте.

Отключив кабели, «Уралы» поехали по зимнику в сторону поселка Чусовского. Женька думал только о несработавшем заряде. «Четвертый не сработал, я же не проверил его, как Генри просил, не проверил. Вот и контакта нет, вот и не сдетонировал. Господи, ну почему так, ведь это я все испортил!»

Вечером Женька заполз в комнату Генри.

– О, старик, да ты надрался, – Генри с трудом усадил Женьку на кровать. – Каков повод? Рита поцеловала или доволен результатами эксперимента?

– Генри, – заплетающимся языком, сквозь пьяные слезы

пробормотал Женька, – это же я, я во всем виноват!

– В чем же, старик? В том, что увел у меня единственную красивую девушку этого леса?

Женька помотал головой.

– Из-за меня не взорвалась. Я не проверил... Понимаешь?

– Кто, что?

– Заряд.

– Ты бредишь, все прекрасно рвануло, с присвистом. Сейчас тебе кандидата, мне референта и – салют, Париж!

– Да нет, Генри, не сработал последний, северная скважина, ты просил проверить, а я... – Женька зарыдал, повалившись на кровать.

– Ну вот, надрался, что с тобой делать? Уже галлюцинации.

Генри аккуратно уложил Женьку на свою кровать, а сам пошел в красный уголок, где намеревался выпить с партийным и комсомольским активом за удачное завершение эксперимента.

Александр Васильевич долго разглядывал сейсмограмму и показания амплитуд в журнале. Сравнивал их с таблицами, которые вел он сам. И приходил к одному и тому же неутешительному выводу: этот молодой умник, разглагольствующий о непознаваемости Вселенной, прав. Нет, не в том, что познание невозможно, не в том, что, видимо, есть высший разум или высшая сила – ее нет, была бы – светлейший ум Александра Васильевича не прозябал по научным лагерям

в тайге, а работал бы на партию и страну в теплом уютном кабинете при важной лаборатории, получающей результаты, достойные Нобелевской премии. Да ему бы синхрофазотрон доверить – он бы такое открыл! Но нет, вся воля не высшему разуму принадлежит, а высшим чиновникам, которые никак не хотят заметить его, еще нестарого, умного человека, способного на большее. А прав умник в том, что один из зарядов на площадке не сработал. И что это значит?

Александр Васильевич знал, что это значит. Это – прощай премия, прощай возможное, давно ожидаемое продвижение по НИИ, прощай новая должность и звание, да и со старой тоже можно попрощаться. Научный сотрудник в лаборатории – вот все, что ему дадут. Из партии попрут непременно, могут и из НИИ, без пенсии и жилья. Руководитель отмажет-ся, он светило, орденоносец, он ключевая фигура, а такими, как он, Филатов, все дыры и заткнут, козлами отпущения. Нет, так дело не пойдет.

Александр Васильевич воровато оглянулся, зашел в лабораторию сейсмографии, вытащил сейсмограф, вставил новую ленту, вытащил во двор, после взял датчик, кувалду и скрылся в темноте ночи.

На следующий день в актовом зале, если можно было так назвать преобразованное помещение столовой со сдвинутыми к стенкам столами, проходило собрание. Женька с ужасом дожидался доклада Филатова, прокручивая в голове варианты своего покаяния и епитимьи, которую готов был на

себя наложить. Но, к его удивлению, Александр Васильевич и словом не обмолвился о случившемся. Тогда в порыве отчаяния Женька вырвался из удерживающих его рук Генри, вскочил и крикнул:

– Александр Васильевич, ну почему вы молчите?

Взоры сидящих атомщиков обратились к никому не известному парню, едва закончившему университет.

– Почему вы не говорите о главном? Ведь заряд не сработал!

По стульям пронесся вздох удивления.

– О чем вы говорите, молодой человек? – с удивлением и строгостью в голосе произнес руководитель проекта.

– Под землей осталась взведенная ядерная бомба, товарищи, вот о чем!

– На чем основаны ваши утверждения?

– На показаниях сейсмографов.

– Извольте, Александр Васильевич, давайте все вместе взглянем на записи, которые вы мне принесли сегодня. – Борис Ильич поднялся.

– Да-да, вот они, – Филатов потряс над головой лентой сейсмографа и журналом регистрации.

– Ну-с, тут все в порядке, с утра ничего не поменялось. Где вы тут увидели доказательства своего громкого заявления, молодой человек?

Женька рванулся к столу, схватил ленту, присмотрелся, пытаясь увидеть вчерашний разбег на графиках, но не уви-

дел его. В журнале тоже не было отметок о малой амплитуде. Женька оглянулся, судорожно ища глазами старого сейсмолога. Но и его не было.

– Сядьте, молодой человек. Вчера случайно лишнюю дозу не получили?

– Радиации? – непонимающе спросил Женька.

– Да нет, горячительного, – под общий смех поправил Борис Ильич. Женька посмотрел в глаза Александру Васильевичу, но тот отвел их. – Идите! Вам надо еще набираться опыта полевой работы, учиться правильно интерпретировать результаты исследований и учиться правильно пить! А теперь, товарищи, поговорим о более серьезных вещах – о причинах выброса продуктов распада на поверхность. Это тревожный для всех нас момент.

– Но... – хотел возразить нечего не понимающий Женька, а Генри уже вытаскивал его на улицу.

– Ты что, правда вчера перебрал? Что с тобой, Жентос? Несешь чушь какую-то, позор, стыдно. – Генри тряс его за отвороты распахнутого полушубка. – Даже если бы это было правдой, ты понимаешь, что ты бы меня подставил, я должен был проверять скважины перед началом эксперимента. Неужели ты хотел со мной так поступить, старик?

Женька неуверенно помотал головой.

– Так чего же ты?

– Генри, там пятнадцать килотонн взрывчатки. Если рванет, если кто-нибудь доберется, это же всё, катастрофа.

– Дурак, кто доберется? Там сто метров бетона.

– Надо сходить туда, посмотреть, может, заряд вообще выворотило взрывом.

– Куда, Жентос, тебе жить надоело? Там рентгены в час, тебе хватит десяти минут, чтобы зажариться. Иди домой, к Рите иди, успокойся.

И, несмотря на Женькины протесты, Генри потащил его мимо КПП в деревню, к дому Риты.

* * *

Свадьба прошла тихо, гости пришли немногочисленные: пара сотрудников из научного городка, пара учителей из школы, родня, что жила в деревне, да бабки со старичками, которые были постоянными посетителями всех деревенских событий, от партсобраний до похорон. Расписались молодые в Ныробе, туда их свозили по зимнику на вездеходе, водитель тоже присутствовал на свадьбе, загнав свою гусеничную машину в ограду, да так там и оставив до понедельника, пока ходил по деревне, шатаясь, от дома к магазину, опохмеляясь и не помня, с чего начал пить. Генри громче всех орал «горько», шумел и щипал деревенских бабенок, которые визжали, чем вызывали у него неподдельное веселье.

Женьке было невесело, он отсидел номер, ерзая на стуле. Начальство, которое он позвал, не пришло, и это был дурной знак. Слушать его не хотели. Еще до свадьбы он обивал

пороги руководства, писал докладные, отбивал телеграммы в Челябинск-семьдесят, но ответа не получал. Задумал отправить письмо самому министру среднего машиностроения, но Генри, постучав ему по лбу, предупредил:

– Жентос, ты на «среднюю машину» сейчас наехать хочешь? Думаешь, что делаешь. Тебе к чему это? Псих! Вот туда тебя и отправят, в психушку, поверь моему слову. Сиди тихо!

Но тихо Женька сидеть не мог, чем изрядно попортил себе жизнь. Во-первых, полагалось молодоженам отдельное жилье, но строгий Петр Иванович, распорядившись жильем и талонами, грустно покачал головой: мол, не жди. Во-вторых, лишили премии за эксперимент, а это была существенная сумма. Ну а в-третьих, Женька все же написал письмо министру товарищу Славскому и получил ответ в виде объединенного комсомольского и партийного собрания Института приборостроения, на котором комсомольцы и коммунисты ответственного предприятия вынесли общественное порицание действиям сотрудника института Евгения Артамонова, подрывающего устои советской физической науки, лжесвидетельствующего об ошибках эксперимента, нарушающего субординацию и отвлекающего важных работников Минсредмаша от задач, поставленных перед ними партией и правительством. Из комсомола его исключили единогласно.

– Ну что, добился? – вопрошал его после Генри, наливая коньяк. – Сейчас тебя из НИИ попрут, потом с кафедры. Ты

же понимаешь, что исключенного никуда не возьмут и ничего не доверят? У тебя одна дорога – езжай в ЦК ВЛКСМ, подавай прошение о восстановлении в комсомоле. Разберутся, я пока попрошу батю, он спустит вопрос на тормозах. Восстановят, там сразу в партию заявление. И молчи, старик, уже наговорил!

Женька скрипел зубами, но мотал головой.

– Ну и дурак ты! – в сердцах бросил Генри и больше с ним не разговаривал. Рита тоже просила Женю быть благоразумным, шептала ему на ухо «не надо», но ничего не действовало. Спустя пару месяцев, уже в мае, пришел приказ об увольнении Женьки из НИИ. Рита начала собирать вещи, готовясь уехать в Ленинград с ним, но Женька не торопился. Переехав к ней в дом, он как-то раз, глядя ей в глаза, попросил:

– Ритуля, помоги мне. Мне деда вашего юродивого увидеть надо.

– Зачем он тебе?

– Мне на площадку пройти надо, а там охрана. Я сунулся с леса – там топь, болота. Спросил у ваших охотников – они сказали, что не поведут, топко становится, снег тает. Сказали, что только дед все дороги знает. Как его найти?

– Вот неугомонный. Обычно дед сам приходит. Сейчас у мамы спрошу.

Мать Риты покачала головой:

– В тайге где-то живет, то ли на Ларевке, то ли в верхах Березовки. Попробуй на север, на Ларевку выйти, там дерев-

ня была, щас уж никто не живет. Можя, там?

Женька кивнул, взял лыжи и пошел на север.

Дед возник неожиданно и ниоткуда. Женька просто отмахивал по крепкому сероватому насту, который в некоторых местах просел до земли, стараясь не упасть на скользких горках, и тут под елкой шевельнулось что-то. Женька от неожиданности неловко двинул лыжами, запутался и упал. Когда оттер глаза от твердого майского снега, увидел перед собой желтоватые клыки. Над клыками виднелись серые холодные глаза. Хозяин всего этого добра, а по мнению Женьки, – зла, стоял над ним, расставив мощные лапы, мерцая на солнце черно-седой шерстью. Пахло зверем. Женька зажмурился, нащупывая последнюю надежду – лыжную палку, которая была призрачной защитой от волка таких размеров. Но послышался скрип снега, голос:

– Опять балуешь. Отстань, прошу тебя.

Зверь, рыкнув и обдав Женьку зловонным дыханием, отошел в сторону. Дед подал суковатую палку:

– Поднимайся, сынок. Испугался? Я сам его боюсь иногда.

Женька поднялся, отряхнулся, с осторожностью посмотрел на волка.

– Он у вас дрессированный?

– Да откуда. Дикий.

– А как же вы ему команды подаете?

– Я не подаю. Он делает что пожелает.

– Как он тогда нас... вас... меня не сожрал еще?

– Он странный. Я вообще не уверен, что это один и тот же волк. Тебя он выбрал, как и меня когда-то. Почему – не могу знать. Где живет – не знаю. Чем питается – тоже не знаю. Я в лесу – он рядом. Я на заимке – его нет. Всегда он есть, когда я к сосне той прихожу.

Дед задумался. Волк лежал поодаль, на проталине.

– А ты не меня ищешь? Зверь тебя иначе бы так просто не остановил, и я бы у тебя на пути не оказался.

– Вас.

– А к чему?

– Помогите. Мне надо на площадку проникнуть, ну, там, где взрыв был пару месяцев назад, где деревья вырубали, понимаете?

– Это где твои друзья нашумели здорово?

– Да. Нет, они мне не друзья, я просто там работал, вы, наверное, лесник и не любите, когда природу тревожат...

– Я не лесник. Я тут живу. Скоро помирать, видно, раз зверь тебя ищет.

– Мне надо туда. На площадку. Проведете? Там болота, солдаты. А мне надо, понимаете, там зло, там страшное, если рванет – всё. Бомба.

– Бомба, говоришь? Ну, пошли пока ко мне на заимку, завтра попробуем туда пройти, если болотина не растаяла.

Старик повернулся и потопал по насту легко, как молодой. Женька на лыжах за ним едва успевал. Солнце клонилось к закату, быстро изменяя спектр испускаемого света

с оранжевого на темно-красный.

До маленькой охотничьей избы, казалось, вросшей в оттаявшую вокруг землю так, что была видна лишь небольшая часть бревенчатой стены и крыша из теса, дошли уже в темноте. Избушка стояла в сосняке, у стены лежали сложенные поленицей чурбаки, скамья из дюймовых плах, рубленных топором, приросла рядом с дверью без щеколды и замка.

– Заходи.

Женька вошел в темноту, ожидая вдохнуть затхлый воздух давно немойтой человеческой плоти и гниющего дерева, но, на удивление, в маленькой избушке пахло сосновой смолой, хлебом и еще чем-то тонким, неуловимым, приятным. Дед скинул медвежью доху, валенок не снимал, указал на скамью подле стола. Женька сел. Дед вынул из печи, сложенной, видно, мастером, раз смог уместить в столь маленьком изделии и устье, и шесток, и полати у трубы, каравай, подрумянившийся сверху до коричневого цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.